

63.529(253)

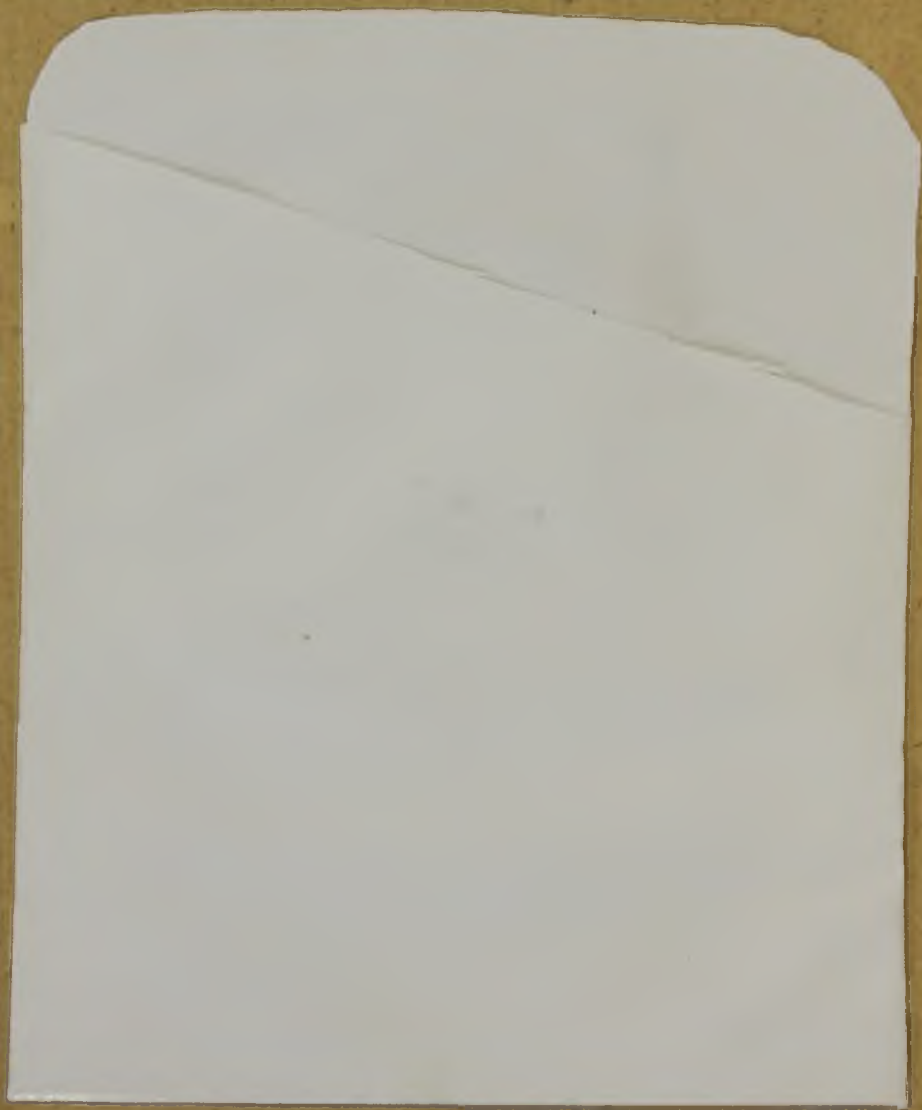
3-80

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР

А. ЗОЛОТАРЕВ

ПЕРЕЖИТКИ ТОТЕМИЗМА У НАРОДОВ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАД _____ 1984

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР

2

А. ЗОЛОТАРЕВ

ПЕРЕЖИТКИ
ТОТЕМИЗМА
У НАРОДОВ СИБИРИ

6817

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА
НАРОДОВ СЕВЕРА ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАД ————— 1934

- 093030 -

Государственная библиотека Югры	РФ
---------------------------------------	----

DEPARTMENT
OF THE MINERALS
AND GEOLOGICAL SURVEY

ПЕРЕЖИТКИ ТОТЕМИЗМА У НАРОДОВ СИБИРИ.

Согласно классическому определению Фрезера, под тотемизмом следует понимать „интимную связь, которая предполагается существующей между группой родственных людей с одной стороны и родом естественных или искусственных предметов с другой стороны“¹.

Дефектом этого определения, как справедливо отметил А. Н. Максимов², является неопределенность понятия „группа родственных людей“, позволяющая трактовать тотемизм значительно шире, чем это вытекает из существа взглядов самого Фрезера, еще в первом издании своей работы говорившего о тотемизме клановом. Во избежание путаницы мы условимся понимать под тотемизмом веру в тесную связь между видом природных объектов, по большей части животным и родовой группой. Этнография не знает тотемических групп, которые не являются родовыми организациями. Исключения составляют лишь так называемые фратрии или двухсекционные подразделения, имеющие тотемические названия. Но „секционный тотемизм“ весьма позднего происхождения, это первый шаг к ликвидации тотемизма вообще. Тотем не считается больше родственником и в отношении его часто не существует уже табу³. Это вполне понятно, т. к. двухсекционная система, как мы указывали в другом месте, есть сравнительно поздний, быть может, конечный, а вовсе не реликтивно-пережиточный продукт первобытного общества⁴. Она представляет собою значительный шаг на пути к образованию племенных объединений и должна быть рассматриваема как один из позднейших продуктов родового строя⁵.

¹ Frazer. *F Totemism and Exogamy*, vol. IV, pp. 3—4.

² А. Н. Максимов. К вопросу о тотемизме у народов Сибири. Уч. Зап. Ранион, VI, стр. 7.

³ См. Максимов. Материнское право в Австралии. 1930.

⁴ А. Золотарев. Происхожд. экзогамии. Изв. ГАИМК, т. X, в. 2—4, с. 77.

⁵ См. Morgan L. *Houses and House-Life of American Indians*. Contributions to the North American Ethnology, v. III. Морган рассматривал фратрию как объединение родов, имеющих общее происхождение. Для него фратрия была переходной ступенью от рода к племени.

Но, если можно еще говорить о секционном тотемизме, как поздней форме тотемизма вообще, то „племенной тотемизм“, „племенные тотемы“, так часто фигурирующие во многих работах, строго говоря, есть *ponsens*. Если все племя считает своим покровителем *одно* животное, скажем орла, то такое животное уже не является тотемом в собственном смысле этого слова. Отсюда разумеется не следует, что оно раньше не было таковым. Решительно ошибается А. Н. Максимов, объявляющий подобные явления просто „зоолатрией“, мотивы которой „многообразны“. В большинстве случаев культ одного животного всем племенем или народом есть конечный продукт развития тотемических верований¹. Подобная трактовка в общем допустима, но каждый раз мы должны требовать от исследователя солидных доказательств в ее пользу.

Распад первоначального родового тотемизма идет по двум путям: с одной стороны, совместно и в связи с выделением и возвышением отдельных родов, возвышаются и их тотемы, постепенно вытесняющие остальные и превращающиеся в племенные гербы, с другой стороны—выделяются тотемы индивидуальные, духи покровители, *guardian spirits* северо-американских индейцев. Но было бы рискованно видеть в каждом зооморфном культе, в каждом явлении почитания природы, пережитки тотемического культа, как это делает С. Н. Быковский², насчитывающий целых 35 групп „пережитков тотемизма“, из которых добрая дюжина никакого отношения к тотемизму не имеет. При этом С. Быковский исходит из теории „производственного тотемизма“, согласно которой „под тотемизмом разумеется, с одной стороны, особая форма социально-экономических отношений, с другой стороны форма религиозных представлений, тесно связанная с первой“³. Он же утверж-

---

¹ Весьма странное определение тотемизма мы находим в книжке Урсыновича „Религия туземных народностей Сибири“, 1930. „Тотемизм это вера в родовых (!) животных, т. е. животных, от которых дикое (!) племя производит себя. Такая вера встречается у многих охотничьих племен... В большинстве случаев это животные, на которых по преимуществу охотились предки данного племени“ (с. 16). Непонятно, что такое „родовые животные“, если это тотемы рода, то при чем тут племя? И неужели такая „вера“ встречается только у охотничьих племен? И, наконец, откуда взял Урсынович, что тотемические животные, это животные, на которых по преимуществу охотились предки данного племени?

² С. Быковский. Программа для собирания материалов по пережиткам тотемизма. Л. 1930.

³ Быковский С. Программа, с. 4.

дает, что построенное из подобных групп общество предшествовало родовому и является „стадией социально-экономического устройства“¹. В другом месте мы намерены подвергнуть эту теорию всесторонней критике; в настоящей связи заметим только, что подобная концепция в корне противоречит всему известному нам фактическому материалу, методологически ведет к грубому экономизму. Так, например, Быковский решительно утверждающий, что „тотемическая группа является производственным объединением“² не понимает, что это верно лишь постольку, поскольку таковым является род. Последнее имеет место далеко не всегда, не всюду, не на всех ступенях общественного развития.

Показательно также, что подлинным создателем этой якобы марксистской теории были не Толстов, Быковский или Эйльдерман, а английский антрополог Haddon³ и P. W. Schmidt, указывавшие, что у северно-австралийских племен запрещено не убивать, а есть тотем; на юге это переходит в запрещение убивать, хотя для стариков это правило наруσιμο. Считая запрещение поедать первичным, а убивать вторичным явлением, Schmidt полагает, что целью убийства был обмен тотемического животного, на охоту за которым существовало у данной группы преимущественное право, отчасти обусловленное географическими и локальными условиями⁴.

Совершенно иначе подходили к вопросу о природе тотемизма Морган и Энгельс. Тотемические группы австралийцев они считали родовыми. „Австралийцы имеют роды— писал Энгельс, — но у них нет семьи пуналуа, они знают лишь более грубые формы группового брака“⁵. И действительно, никакой принципиальной разницы между тотемической группой днери и родом, скажем, ирокезов, нет.

¹ Быковский С. Программа, с. 2; см. также С. Толстов. „Проблемы родового общества“, в „Сов. этнографии“ №№ 3—4 за 1931 год. Эйльдерман.—„Первобытный коммунизм и первобытная религия“. Изд. Атеист. 1930.

² Быковский С. Программа, с. 4.

³ Haddon A. Adress to the Anthropological Section of the British Association for the Advancement of Science. Цит. Толстовым.

⁴ P. W. Schmidt. Die soziologische und religiose-ethische gruppierung der australische Stamme. Zeitschrift. f. Ethnologie. 1909. Генетическую связь теории „производственного тотемизма“ с работами Haddon'a и Schmidt'a признал Толстов (Советская Этнография №№ 3—4, 1931, с. 92). Ее правильно подметил и Ф. Капелюш в статье „Новые „поправки“ к историческому материализму“ „Под Знамя Марксизма“ 1927, №№ 6—7.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, 1932. с. 41.

Это—разные ступени развития одного и того же института. „Появившись на средней ступени и развившись на высшей ступени дикости, род достигает своего полного расцвета, насколько позволяют судить об этом наши источники, на низшей ступени варварства“¹. Большая часть истории первобытного общества, в том числе и верхний палеолит, была по Энгельсу—периодом формирования родовых институтов и относить австралийцев безоговорочно к дородовому обществу, по меньшей мере, рискованно: уже в ориньякской эпохе мы должны искать первые проблески родовых институтов, нараставших на протяжении всего палеолита². С этой точки зрения должна быть пересмотрена вся социология первобытного общества, при построении которой до сих пор забывали, что *род - основа всей первобытной истории*. Проблески тотемизма должны быть прослежены совместно с развитием рода. Тотемизм есть первая форма религиозного осознания родственных отношений. Он может быть понят только как родовой институт. Ведь недаром своего наилучшего расцвета он достиг в классической стране родового строя—С. Америке³.

В Южной Америке он прослеживается постольку, по-

---

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности, государства. 1932, с. 159.

² В подтверждение своих взглядов я могу сослаться на недавно вышедшую работу П. Ефименко. („Значение женщины в Ориньякскую эпоху“), убедительно показавшего, быть может вопреки своему желанию, первые элементы родового культа уже в Ориньякской эпохе. К чему приводят поиски дородового общества показывает работа С. А. Токарева, „Родовой строй в Меланезии“, первая часть которой опубликована в № 2 „Сов. Этногр.“ за 1933 г. Уже из появившегося начала работы совершенно очевидно, что автор принял за дородовое общество (sic!) у папуасов с. з. Новой Гвинее то, что в действительности является переходом от материнского рода к отцовскому (см. Williamson, F. Sex affiliation and its implication. Journ. Roy. Anthropol. Inst. 1932). Ошибка в выборе исходного пункта, обусловленная исключительно приверженностью к теории дородового общества, естественно должна привести к искажению всей истории меланезийского общества и, заранее можно сказать—отрицательно отразится на работе С. А. Токарева.

³ По мнению Фрезера он отсутствует к востоку от Миссисипи, но новейшие открытия давно перешагнули эту грань, и существование тотемизма в Калифорнии ни у кого не вызывает сомнения (см. Kroeber. Handbook of Indians of California. Его-же: Religions of the Indians of California. Univ. California Publication 1906/7. Merriam C. Totemism in California. American Anthropologist. 1908, p. 558.

скольку там прослеживается родовой строй¹. У эскимосов Берингова пролива следы материнского рода сопровождаются отдельными элементами тотемизма². Зато полный расцвет тотемизма мы находим у живущих в родовом строе индейцев с. з. берега Америки³. Тотемизм широко распространен в Африке⁴, Меланезии⁵ и Полинезии⁶, которые в равной степени являются странами родового строя и тотемизма.

Было бы неправильно думать, что Энгельс ничего не знал о тотемизме: не только работы Спенсера, Мак-Ленана, Леббока, но и Моргана, Файзона и Гоуитта содержали в себе достаточно богатый и подробный материал по тотемизму. Информацию по этому вопросу дают Тейлор в „Первобытной культуре“ и Банкрофт в неоднократно цитируемом Энгельсом труде. И если тем не менее Энгельс ни одним словом не обмолвился в „Происхождении семьи“ о тотемизме, то это происходит потому, что Энгельс рассматривал развитие социальной структуры общества, не касаясь вопроса о надстройках. А тотемизм является ничем иным, как идеологией родового строя. „Курьезно, каким образом возникает *представление о святости*, как это обнаруживается у тех же первобытных народов“—пишет Энгельс. „Сначала

---

¹ Еще Фрезер знал о тотемизме у некоторых племен Коста-Рика и Панама (v. III, ch. XXI), у ряда племен Колумбии, Ориноко, Чили, Перу (в том числе у араваков). За последние годы тотемизм обнаружен у племен с. в. Чако, где существует семь групп: 1) группа утки, члены которой не должны есть мяса утки, но могут есть щи из нее, 2) группа ягуара, 3) группа страуса, 4) группа обезьян, 5) группа попугаев, 6) группа муравьев, 7) группа коршуна. В отношении этих животных существуют различные пищевые запреты (см. Baldus H. Indianerstudien in N. O. Chaco. Leipzig. 1931). См. кроме Frazer'a (Totemism and Exogamy v. III) Lafore Quevedo, guarni Kinship Terms as Index of Social organization. American Anthropologist. 1919; Sneathlage. Unter nordost brasielischen Indianer. Zeitschrift f. Ethnologie. 1930. Kirchhoff: Die Verwandtschaftsorganisation der Urwaldstämme Südamerikas. Z. f. Ethnologie, B. 63.

² Nelson. The Eskimo about Bering Straits. 18 Ann. Rep. Bureau. Am. Ethnol.

³ Frazer. Totemism and Exogamy. v. III.

⁴ Frazer. I. c. v. II.

⁵ Rivers W. Totemism in Polynesia and Melanesia J. R. A. J. 1909

⁶ Firth R. Totemism in Polynesia. „Oceania“ 1931

свято то, что мы переняли из животного царства, звериное“¹.

Комментарии к этой цитате излишни. Тотемизм—возник как первая форма осознания родства в человеческом коллективе еще на почве примитивного охотничье-собира-тельского хозяйства палеолита. Но полного своего развития он достигает лишь тогда, когда появляется учение о душе и ее реинкарнации, т. е. в более высоко развитом родовом обществе—австралийцев, америндов, негров, меланезийцев. Разложение тотемизма обусловлено общим развитием родовых отношений. Осознание кровного родства делает излишним тотемическое представление о родстве и совместно с расцветом отцовского рода постепенно отмирает тотемизм.

Проблема тотемизма заслуживает серьезного подхода. Новейший этнографический материал показывает, что тотемизм чрезвычайно тесно связан с родовым строем и что при изучении последнего быть может следует внимательнее отнестись к социальной функции тотемизма, чем это делалось до сих пор. Но никаких оснований отказываться от Моргановско-Энгельсовской оценки тотемических групп, как ранне-родовых институтов, у нас нет. Во всяком случае только эта точка зрения объясняет нам происхождение табу, коренящегося в представлении о тотеме, как о родственнике².

---

¹ Письма Маркса и Энгельса, издан. I, с. 280. Энгельс—Марксу 8 декабря 1882 г. „Среди аборигенов Америки роды называются по животным или неодушевленным предметам; у некоторых племен, как напр. моки Аризоны, члены рода ведут свое происхождение от животного, имя которого они носят. Они полагают, что их предки были превращены Великим Духом в людей из животных. Род аиста у оджибвеев имеет сходные верования. В некоторых племенах члены рода не могут есть животное, имя которого они носят...“. Morgan L. Houses and House Life of American Indians. p. 9. Contribution to North American Ethnology. v. III.

² Тотемизм настолько-же всеобщ, насколько всеобща родовая организация. Таким образом вопрос о всеобщности тотемизма решается в положительном смысле. Где существует род, там существует тотемизм. Пережитки тотемизма наблюдались и у семитических и арийских народностей, хотя Фрезер и сомневается в этом, полагая, что у них отсутствовала экзогамия и классификаторская система родства, а без последней, по его мнению, тотемизм не встречается (vol. IV, pp. 13—14). Любопытно, что в ранней своей работе он признавал в „высокой степени возможным“ „существование тотемизма у семитов, греков и римлян“. „Если он будет найден у арийцев—писал он,—то он может считаться всеобщим явлением“ (vol. I, p. 86). Н. Марр удачно вскрыл во многих случаях тотемическое происхождение некоторых племенных названий, т. н. индогерманцев.

Против всеобщности тотемизма решительно высказалась культурно-историческая школа, связывающая тотемизм с „патриархальным кругом“ (Graebner. Weltbild der Primitiven. 1924), или „с экзогамно-патриархальным кругом“ (Schmidt und Koppers. Völkern und Kulturen. B. I. Regensburg,

Первоначально род представляет собою тесную производственную группу, связанную представлением об общем происхождении и общем родстве, делающим запретным брак внутри группы. Но понятие кровного родства не следует толковать в современной наукой установленном физиологическом смысле слова, также как происхождение от общего предка не следует рассматривать, как физиологическую связь поколений. Подобный строй представлений чужд первобытному человеку, вообще незнакомому с понятием физиологического отцовства. Точно также физическое материнство не играет в его глазах такой роли как в наших. Для него „отцом“ является не „производитель“, а любое лицо мужского пола определенного поколения, а „матерью“ не „производительница“, а женщина определенного возраста и определенной группы. Родство тут имеет чисто *социальное содержание*, как это показал Риверс¹ и приравнение родовых связей к биологическим имеет своей предпосылкой полное непонимание природы и содержания родовых отношений.

Адекватным идеологическим отражением родовой структуры на первых шагах ее развития является тотемизм². Происхождение от общего предка указывает не на генезис от одной брачной пары, а на одинаковое социальное положение и на одинаковую роль в производстве, которая лишь санкционируется представлением о происхождении от предка-зверя, полуживотного или вообще мифического существа, давшего начало коллективу в незапамятные времена. Культ тотемического предка есть первая форма культа предка вообще. Он содержит конечное звено в цепи предков, с которым, чтобы стать родичем, необходимо быть связанным мифологической связью. Тотемический предок есть персонификация, впрочем никогда не принимающая строго персональной формы, коллектива в зверино-мифологическом образе.

Почему синонимом родовой связи служит именно животное, понять не трудно! Прежде всего животное играет

1925). См. также K o p p e r s. Die Frage des Mutterrechts und des Totemismus in älten China. Anthropos. 1930. Его же. Tungusen und Miao. Mitteilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien. LX B.

¹ См. R i v e r s, History of Melanesian Society. London. 1913, v. I. Social Organization. London 1926; Kinship and Social Organization. London. 1914.

² В этой связи я должен указать на ошибочность выставленного мною в „Происхождении экзогамии“ тезиса о „гетерогенности тотемизма и экзогамии“. См. Известия ГАИМК, т. X, в. 2—4, с. 23.

колоссальную хозяйственную роль, занимая соответствующее место и в мировоззрении. Далее, аналитические способности первобытного охотника - собирателя развиты так слабо, что он совершенно не выделяет себя из природы. Даже на более высокой ступени, рассматривая природу как нечто одушевленное, он меряет ее по своему образцу. В то же время он приносит отношения природы в общественные отношения, в значительной мере отождествляя их. Его точка зрения и социоморфична и зооморфична одновременно.

Род как экзогамный социальный институт регулирует распределение и воспроизводство рабочей силы. Его тотемическая надстройка „регулирует“ магическим путем (интихиум) размножение тотемного вида, идеально проэцируя родовую организацию на животно - растительный мир¹. Последними исследованиями распространение церемонии интихиумы обнаружено по всему континенту Австралии². Северо-Американская пляска бизона, лисицы и др., суть ни что иное, как позднейшие формы этих церемоний, что особенно ясно на примере индейцев омаха³. Это дает право заключить, что тотемизм есть идеологическая проекция примитивного родового строя на окружающий мир⁴.

Вопрос о существовании тотемизма в Сибири до сих пор не получил окончательного разрешения. Фрезеру были

¹ Malinowsky B. The Economic Aspect of Intichiuma Ceremonies. Festschrift tielengnot E. Westermarck, 1911, указывает, что 1) интихиум представляет собой организованный коллективный труд общества, 2) исполняющийся с сознанием его глубокого значения и важности; 3) исполняемая регулярно и периодически эта церемония связана с вегетационными периодами в жизни природы; 4) цель ее заключается в размножении числа тотемических животных и растений; при этом примитивный ум ставит запасы пищи в каузальную связь с интихиумой; 5) в этой церемонии ясно обнаруживается связь магии с экономикой. См. также Spenser-Gillen. Some Remarks on the Totemism JRAI 1898. Полагаю, что именно в этом направлении надо искать генезис тотемизма.

² Brown. R. A. Social Organization of Australian Tribes. London 1931.

³ Dorsey. Omaha Sociology. 13 Ann. R. BAE.

⁴ „В тотемах фратрий и субфратрий, стоящих над тотемами клана, можно видеть, хотя и самую примитивную классификацию предметов природы по рубрикам, имеющим некоторое сходство с нашими рубриками видов и родов. Эта классификация у некоторых австралийских племен настолько широка, что включает всю природу. Австралийцы порта Макай в Квинсленде всю природу делят на фратрии: ветер принадлежит к одной фратрии, дождь к другой, солнце к третьей, луна к четвертой, звезды, деревья, растения также разделяются на фратрии“. Фрезер. Тотемизм и его происхождение, „Атенст“, № 4—5. Ср. замечания по этому поводу у Леви Брюля „Первобытное мышление“ изд. „Атенст“. Стр. 138—139.

известны лишь показания Штраленберга с почитания якутами некоторых видов птиц и существование родовой экзогамии у самоедов. На этом основании он не мог, конечно, сделать никаких выводов и вынужден был заявить: „Если исключить из рассмотрения Индию, — Азия также как и Европа окажется белым пятном на мировой карте распространения тотемизма. Является ли этот пробел действительно результатом отсутствия института, или слепоты и невежества наблюдателей, или просто моего незнания, есть вопрос, который должны разрешить дальнейшие исследования“¹. А. Н. Максимов, посвятивший этому вопросу специальную статью, не решился сделать окончательных выводов, колеблясь между общераспространенным мнением об отсутствии тотемизма в Сибири и некоторыми, известными ему отрывочными данными, говорящими за существование такового. Наконец, Д. К. Зеленин полагает, что тотемизм в Сибири не существовал². Напротив того, Урсынович в своей „Религии туземных народностей Сибири“, высказался за существование тотемизма, сославшись в подтверждение, на пример одних гольдов.

Подобное состояние вопроса обязано в первую очередь чрезвычайной неразработанности сибирской этнографии, полному отсутствию сколько нибудь удовлетворительных сводных работ³, наконец чрезвычайной немногочисленности специальных исследований, выходящих за рамки одной, известной данному полевому этнографу, народности.

Пытаясь установить факт существования тотемизма в той или иной области, у того или иного народа, мы должны прежде всего искать: 1) тотемические имена родов, 2) пищевые запреты, связанные с тем или иным животным, с одной стороны и с родовой группой с другой, 3) веру в превращение человека в животное и *vice versa*: веру в происхождение человека от животного и веру в половые сожителства между человеком и животным, 4) какие либо формы почитания животных, имена которых носят отдельные роды.

Если наличие второго, третьего и четвертого признаков самих по себе, еще не является решающим, то существование первого, в особенности в сочетании с каким-либо другим, уже позволяет считать вопрос решенным в положи-

¹ Frazer. I. c., vol. II, p. 336.

² Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ленинград. 1929. ч. I.

³ К таковым не может быть отнесена ни устаревшая работа Caplitzka, ни слабая книга Jochelson'a. The peoples of Asiatic Russia. 1929.

тельном смысле. Отсутствие же одного из них, при наличии какого-либо другого, может быть объяснено „слепостью и невежественностью наблюдателей“, или разрушением тотемической системы; но, конечно, в этом последнем случае прежде чем безоговорочно признавать существование тотемизма, необходимо основательно взвесить pro и contra.

Даже при этих оговорках, собранные мною свидетельства убеждают меня в существовании тотемизма у т. н. палеосибирских, тунгусо-манчжурских, турецких и финно-угорских народностей.

В работах Штернберга можно найти ряд отдельных замечаний о тотемических верованиях гиляков. „На Амуре, где я часто встречал роды, называющиеся по тому или иному животному, я всегда получал объяснения, что одна из женщин этого рода некогда родила ребенка от тигра или медведя, явившихся ей во сне“¹. К сожалению Штернберг не только не называет таких родов, носящих названия животных, но и не сообщает к какому из амурских народов это относится. Однако я полагаю, что это верно по отношению, как к гольдам-ульчам, так и к гилякам. В другом случае Штернберг писал,—„стоит женщине (гилячке) увидеть во сне тигра или медведя, разделяющего с ней супружеское ложе, и у всех рождается убеждение, что родившийся после этого ребенок—дитя „горного человека“ (тигра, медведя). На Амуре есть много родов, ведущих свое происхождение от тигра или медведя исключительно (?) на основании женских рассказов о подобных любовных сновидениях“². Сомневаться в показаниях Штернберга не приходится. Ошибочным является лишь его мнение будто бы роды считают себя происходящими, скажем, от тигра *исключительно* на том основании, что одна из его женщин видела во сне тигра. Тут Штернберг повторяет вообще свойственную ему ошибку—смешение туземной попытки осмысления верования с его научным объяснением.

Единственные роды, которые имеют настоящие родовые прозвища—пишет он далее—это основанные выходцами тунгусских племен; так образовались роды Укар-

¹ Штернберг Л. Идея избранничества в религии. Этнография № 1, 1927.

² Штернберг Л. Античный культ близнецов при свете этнографии. Сб. МАЭ, т. III, с. 167.

нунг, Чориль и т. д. И замечательно, что именно у этих племен мы уже находим явный переход (?) к тотемизму. У племени негда, например, почти каждый род ведет свое происхождение от того или иного животного (например, жаба, медведь и т. д.). У гиляков подобные явления встречаются очень редко¹. Заимствовали ли гиляки свои тотемические родовые названия от тунгусов или тунгусы от гиляков, имели ли мы дело в первом случае с переходом к тотемизму или с каким-либо другим процессом—дело спорное. Бесспорны лишь факты² существования у гиляков родов, ведущих свое происхождение от животных и носящих названия этих животных.

В „Гиляках“ Штернберг подтверждает это, сообщая— „В некоторых родах существуют тотемические предания, так, напр., род живущий в стойбищах. Тальгах, считает себя родственником с медведем на том основании, что одна из женщин этого рода родила урота с чертами, напоминающими медвежьи. Подобные предания имеются и в других родах“³. Оставив в стороне ошибочную мотивировку, мы отмечаем веру в происхождение определенного рода от определенного вида животного. С этим связана вера в превращение человека в животное. Так, в одной приводимой Штернбергом, сказке говорится: „Когда в среднюю юрту вошел,

¹ Штернберг. Гиляки. Этнографическое обозрение, кн. 63, с. 100.

² Лично мне ни удалось расшифровать ни одно родовое название как тотемическое, но мой список гиляцких родов далек от полноты (см. мою статью „Пережитки родового строя у гиляков района Чоме“, „Советский Север“ 1933 № 2). К тому же очень важен следующий момент: каждый род имеет свой набор личных имен, которые не встречаются в другом роде. Такой же порядок существует и у индейцев омаха, при чем у них эти имена обозначают части тела тотемического животного. Например, люди рода Бизона носят личные имена: „хвост бизона“, „бедро бизона“ и т. д. См. Dorsey. Omaha Sociology. 13 Annual Reports Bureau of Amer. Ethnology. О сходном обычае у тлинкитов сообщает J. Swanton: „Большинство тлинкитских личных имен относится к какому-нибудь животному; обычно животное является эмблемой клана, к которому принадлежит обладатель имени. Так знаменитый вождь Chilkat назывался Danawa'g—Серебряный Глаз,— что относилось к глазам Ворона; Haku'te! было именем Kágwantan и означало тонкий, сваленный волос гризли, а Kodé naha, другое имя Kágwantan обозначало вход в берлогу медведя...“ (p. 421). Главными животными, по которым давались личные имена фратрии Волка были волк, гризли, кит, буреветник и сокол, фратрии Ворона—ворон, лягушка, орел, черный кит и сокол. Swanton. Social Condition, Beliefs and Linguistic conditions of the Tlingit Indians. 26 Annual Reports Bureau of Amer. Ethnology, 1904—5. Лингвисты должны попытаться расшифровать имена гиляк в подобном направлении.

³ Штернберг, Л. Этнографич. обозрение, кн. 63.

старик один сказал: „Ребята, медведями сделайтесь“! Его дети все вышли, в сених стали, медведями сделались“¹ Штернберг следующим образом комментирует это место: „Семья старика принадлежала к роду медведей. По обычному представлению гиляка, медведи, тигры, да и вообще все животные по истинной природе своей, особые породы людей, способные принимать по мере надобности, форму того или другого животного“². Гиляцкие верования о превращении человека в зверя, зверя в человека, о половом акте между зверем и человеком довольно полно освещены Штернбергом и Крейновичем³. Мы не будем на них останавливаться отметив только, что характерным для тотемического мышления гиляк является вера в происхождение гиляк — от лиственницы, ороков — от березы, айну — от ели⁴. Эту легенду я слышал у лиманских гиляков.

Сказанного уже достаточно, чтобы признать у гиляков существование тотемизма, правда, либо в возникающей (Штернберг), либо в разложившейся форме, доказанным. Но собранные мною среди лиманских гиляк материалы существенно пополняют указания Штернберга.

Каждый род имеет свой культ. Члены рода Кегнап во время охоты на Маҫена, особый мелкий вид нерпы не смеют убивать ее в спящем состоянии, они должны разбудить животное и только после этого стрелять или бить колотушкой по голове. Генезис этого запрета нам вскрывают австралийские параллели. В некоторых частях Австралии, где тотем убивать уже разрешается, все же необходимо дать ему шанс на спасение: поэтому его никогда не убивают в спящем виде. Очевидно обычаи Кегнап есть пережиток тотемического культа Маҫена этим родом — культа имеющего место и у ульча. На охоте роду Кегнап запрещается пить чай около огня. Отправляясь охотиться на нерпу он не смеет останавливаться в доме родичей. Когда нерпа убита, то ее голову разрезают особым способом, специально служащими для этой цели ножами, нос, язык, глаза бросают в воду в жертву „хозяину моря“. Голову нерпы выставляют на шесте у моря. Весной перед выездом на нерпичий промысел убивают собаку, мясо ко-

¹ Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908, с. 69.

² I. с. 77.

³ Ю. А. Крейнович. Очерк космогонических представлений гиляков острова Сахалина, Этнография. 1928, № 1.

⁴ Крейнович, стр. 100.

торой поедается, а голова также выставляется на шесте у моря. Чашки, из которых происходит весеннее кормление „хозяина моря“ имеют форму нерпы, а ручки ясно изображают голову этого зверя. Отправляясь на охоту на нерпу к поясу привязывают заячьи уши, без которых успех охоты мало вероятен. Осмысляется этот обычай так: когда охотник едет по морю то из воды может высунуться „хозяин моря“ и спросит „ты что делаешь“? „А вот ушканя ловлю“, ответит гиляк показывая заячьи уши и хозяин моря легко дает себя одурачить; если же ушкана нет то „беда будет“. Конечно это позднейшее осмысление весьма древнего обряда, подлинное значение которое давно забыто. В одной сказке рассказывается о массе несчастий, постигших гиляцкую семью вследствие того, что они сожгли в котле юбку (kosk) из нерпичьей шкуры. Да и само название Маҕена происходящее от Маҕке маленький и па—зверь наводит на мысль о существовании запретного тотемического имени вместо которого употребляется синоним Маҕена. Все это заставляет предполагать, что нерпа некогда была тотемическим животным рода Kegan.

Остатки тотемического пласта прощупываются и в воззрениях на касатку, тигра и медведя. Касатка называется Ызьму, буквально—„лодка хозяина“. Предполагается, что „хозяин моря“ гонит перед собой нерпу, дельфинов и китов, которых он со страшной силой швыряет в воздух. Убив этих зверей он складывает их в свою лодку—касатку, в животе которой часто находят действительно по несколько тюленей. Но бывает, что „лодка“ „заартачится“ и не желает возвращать хозяину сложенного груза. Тогда хозяин в припадке ярости выбрасывает свою лодку на мель и она становится добычей гиляков. Н. Каргер¹, основываясь очевидно на сообщениях Штернберга, говорит, что касатку запрещается убивать. У лиманских гиляков я подобного запрета не нашел. Касатку в море не убивают потому, что это чрезвычайно опасно. Но в тех случаях, когда она попадает на мель ею не брезгают. Но, убив касатку, гиляки обставляют похороны целым рядом церемоний, делающих весьма вероят-

¹ Н. Каргер. Гиляки, Больш. Сов. Энци. Уода за два до моего приезда гиляк Нагаур из стойбища Чомэ убил острой застрявшую на мели касатку. Кости ее в срубе, специально для этого поставленном, я видел около промыслов в Чертовой бухте. Вероятно табу, сохранившееся по словам Крейшовича, и до сих пор на Сахалине, существовало раньше у лиманских гиляков, но теперь у них оно отсутствует.

ным предположение о существовании каких-то табуаций в более отдаленное время. Кости касатки складываются в деревянном срубе, устроенном на подобие сруба для костей медведя. По поверью, если кости не похоронить, а просто бросить на берегу, то начнутся непрерывные дожди и ветры. Существует сказанье про человека, который увез кости касатки с Сахалинского берега на мыс Пронге, чтобы изменить направление ветров постоянно дувших с Сахалинского берега. Погребенных в срубе костей гиляки никогда не станут трогать голыми руками—от этого „разболится живот“.

Остатки тигра также погребаются в особом срубе, и затем в течение нескольких лет совершаются „кормления“ духа тигра. Почитается грехом не только убивать тигра, но „ломать“ (топтать) его след. Наткнувшись на след животного, ему бросают самую драгоценную в пути вещь—огниво. Найденный труп тигра хоронят в особом срубе и приносят ему жертвоприношение¹. В некоторых сказках тигр называется не своим именем, но термином буквально переводимым „наш ужас“, что очевидно связано с табуацией его имени. Правда эти обряды должны выполнять все гиляки, а не один род, как это имело место в случае с нерпой. Полагаем, что это позднейший результат развития тотемических верований. Очевидно у гиляков в прежнее время был ряд родов, тотемами которых были—нерпа, медведь, касатка, тигр, орел, и возможно ряд других животных, о культе которых мы сейчас не подозреваем. Из культовых действий, направленных на почитание тотемов, за исключением медвежьего праздника, сейчас сохранились похороны в срубе, „кормление“ и ритуальное разрезание нерпы. С развитием племенной жизни тотемические роды перемешались, слились, переняли культы своих соседей, частично растеряли свои старые культы.—Постепенно медвежий праздник стал племенным праздником и медведь потерял свое тотемическое значение. Однако ясно, что медвежий праздник развился именно из обрядов связанных с разрезанием и погребением тотемического животного,—обрядов,—пережитком которых является ритуальное разрезание нерпы родом Кегнан. До сих пор медведь, убиваемый на празднике считается родственником того рода, который устраивает этот праздник, и если зять, по обычаю стреляющий медведя, не убьет его тремя стрелами, то платит

¹ Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка, с. 205.

хозяину праздника штраф за „мучения“, причиненные „родственнику“ последнего.

В том, что медвежий праздник имеет тотемическую подоснову я вполне согласен с Н. Харузиным, писавшим: „сопоставляя вышеприведенные сведения с „медвежьей присягой“ остяков и вогулов можно признать, что в виду тотемической основы, лежавшей в первоначальном культе медведя, сама медвежья присяга была первоначально не более как клятвой тотемом“¹. Харузин убедительно возражает против попытки Фрезера² вывести медвежий праздник из страха, внушаемого духом медведя. Последняя трактовка абсолютно не исторична, считается только с эмпирически данной видимостью, чужда всякого палеонтологического подхода к явлению. Факт убиения медведя на праздник нисколько не противоречит тотемической основе этого праздника, ибо среди обрядов, сопровождающих убийство медведя, сам Фрезер приводит факт убиения медведя в тех случаях, когда последний оказывается тотемом, именно у краснокожего племени оттава, подразделение которого основывается на тотемизме. У этого племени отдельные роды имеют названия животных: заяц, сазан, чайка, медведь. Если лицо, принадлежащее к роду медведя, убьет медведя,—оно устраивает празднество и извиняется за совершенное убийство³.

Убивать тотем запрещалось далеко не всюду и всегда так у целого ряда австралийских племен подобный запрет отсутствует. В других случаях убийство тотема сопровождается извинениями и искуплениями вины. Таковым именно и является медвежий праздник. При этом следует указать на мало известный факт—устройства медвежьего праздника у гиляков не только зимой, при убийстве специально откормленного медведя, но и летом при *каждом* убийстве медведя. Летний праздник, отличаясь более скромными размерами, сохраняет тем не менее все основные черты праздника. То же самое практикуется и у тунгусов⁴.

Прекрасное подтверждение нашей точки зрения мы находим в айнских верованиях.

Еще Бетчелор указывал на иву как на тотем южных айнов, на тотемическую татуировку, практикуемую среди

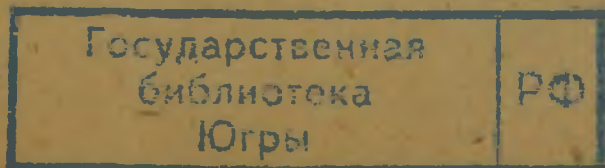
¹ Н. Харузин. Медвежья присяга и тотемическая основа культа медведя. 1899 с. 71.

² Frazer. The Golden Bough, v. II, 99—135.

³ Frazer. Там же, p. 113.

⁴ Рычков. „Енисейские тунгусы“. „Землеведение“, 1917—22.

- 093030 -

них, на сказки о происхождении человека от орла, медведя и лебедя и происхождении этих животных от человека¹. Возражения W. Schmidt'a², подчеркнувшего племенной характер этих культов, не устраняет, однако, гипотезы о их родовом значении в прошлом, тем более, что в другой работе Бетчелора содержатся многочисленные указания на тотемизм у айнов. В одном предании айнов рассказывается, что волк освободил человека из лап злого медведя; поэтому он является „божественным существом, которое иногда почитается“³. В других сказках говорится о борьбе морского льва с медведем, при чем оба рисуются в совершенно антропоморфных чертах⁴. Куница и енот являются слугами медведя, а енот, кроме того, добрым божеством; при его убийстве созывают всех друзей⁵— несомненный пережиток праздника енота, описанного для северных айнов Пилсудским (см. ниже). На некоторых предметах вырезаются морские львы и прочие морские животные, головы медведя, лисицы и волка. „Я думаю—пишет Бетчелор—что это были первоначально тотемические знаки и что разные истории, теперь рассказываемые, относятся к вражде или племенным войнам между людьми. И это факт, что когда я впервые спустился с гор к жителям моря, вождь не хотел принять меня, потому что я говорил на языке „людей холмов, обитающих среди медведей“⁶. Весьма вероятно, что Бетчелор прав: борьба животных в сказках сплошь и рядом есть отражение борьбы тотемических групп. Во всяком случае, в пользу существования тотемизма у айнов говорят также сказания о превращении людей в птиц и медведей⁷, о браках женщин с медведями⁸, наконец, многочисленные сказания о лисице, в которых лиса изображается как существо, принимающее человеческую форму и пользующееся отсутствием мужчин, чтобы украсть душу женщины⁹. С лисой у айнов связано поверье, что женщина может обернуться лисой и заколдовать людей¹⁰. Та, ко-

¹ Batchelor. J. The Ainu of the Japan. London 1892, p. 83.

² Schmidt P. W. Ursprung des Gottesidee. B. III. s.s. 441—42.

³ Batchelor J. Ainu Life and Lore. Tokyo. (Год не указан). p. 123.

⁴ Batchelor J. I. c. p. 120—123. Подобное же сказание записано мною у лиманских гиляков.

⁵ Batchelor J. I. c. p. 122—123.

⁶ Batchelor J. I. c. p. 124.

⁷ Batchelor J. I. c. p. 133.

⁸ Batchelor J. I. c. p. 359.

⁹ Batchelor J. I. c. p. 433.

¹⁰ Batchelor J. I. c. 424.

торая обладает такими способностями, может сделать людей больными и несчастными. Такие особы иногда кричат, как лисы—пау, пау! Они обладают способностью сделать воду похожей на сушу и сушу на воду¹. Подобные же поверья, связанные с лисой, по всей вероятности, существовали и у гиляков. По крайней мере только этим я могу объяснить следующий рассказ Крузенштерна: когда Крузенштерн и его спутники вышли на берегу северного Сахалина и направились к деревне, то их встретило несколько „татар“, размавивших лисьими шкурами и прозительно вывших². Очевидно гиляки пытались заколдовать при помощи лисьих шкур невиданных белых людей.

Вполне допустимо, что указанные черты суть пережитки тотемизма, существование которого в особенности подтверждается следующими показаниями Пилсудского, относящимися к сахалинским айнам:

„Некоторые айнские роды, сообщает Пилсудский о сахалинских, лучше сохранивших древнюю культуру, айнах, считают своим покровителем медведя, который фигурирует в числе других тотемов, довольно ярко выраженных у айнов в преданиях о происхождении отдельных родов. В речи, обращенной к медведю, его называют внуком. В одной записанной мною сказке выясняется начало этой родственной связи айнов с медведем. Прародитель айнов наполовину бог, наполовину человек, всегда упоминающийся в этого рода песнях *jaјрсупо* (сам себя вырастивший) был виновником появления у медведицы сына. С этого времени и пошел будто бы обычай выкармливания медвежат и убиение их с торжественностью, соответствующей их близости к человеку и богу гор“³. „Ранее айны воспитывали у себя в клетках, продолжает Пилсудский—*тојук*, виверровую или енотовую собаку *Nyctereutes procionodes*, Убитому *тојук* ставили „инау“, делали угощение. Народу собиралось много: мясо животного вкусное и сытное. Голову клали на подносе на циновке. Кормили *тојук* просом; кормленный рисом *тојук* убегал из клетки. Праздник убиения его протекал также торжественно, как и праздник медведя“⁴.

Последний факт блестяще подтверждает наше пред-

¹ Batchelor. Ainu Life etc. p. 424—25.

² Крузенштерн. Путешествие вокруг света. СПб. 1810, ч. II стр. 171.

³ Пилсудский Б. На медвежьем празднике айнов. „Живая старина“, 1914, стр. 146.

⁴ Пилсудский Б. Там-же, стр. 151.

положение, согласно которому медведь является лишь *одним из тотемов*, постепенно вытесневшим другие. В древние времена у айнов, надо полагать, было несколько тотемов, из которых до нашего времени сохранились медведь, виверровая собака, считающиеся между собой родственниками¹ и почитаемые на особых праздниках, а также волк, лиса, морской лев, в отношении которых праздник уже не справляется. У других народов сохранился только медведь.

О причинах подобной селекции трудно сказать что-либо определенное, кроме сказанного уже Харузиным: „самый факт, что медведь в таком значительном количестве местностей, у народностей не родственных друг другу и разбросанных в разных частях земного шара, признавался сначала тотемом, а затем божественным зверем не представляет из себя ничего странного. Дикарь любит избирать духов покровителей из числа сильных, могущественных, хотя бы и опасных для людей животных. Змею в качестве тотема мы встречаем одновременно в Австралии, во многих местностях Африки и Америки. Крокодил считается тотемом в самых разнообразных местностях Африки; культ крокодила в древнем Египте возник повидимому также из тотемической основы; мы встречаем его одинаково и в Меланезии и в Индонезии. Буйвол в качестве тотема известен в Африке и Америке. Лев, ягуар, леопард также чрезвычайно распространены тотемы, одинаково почитаемые, где они являются одним из наиболее крупных представителей местной фауны, в качестве духов покровителей. Часто встречаемое воззрение у северо-американских краснокожих, что тотемом известного рода оказывается медведь делает вполне понятным, почему совершенно самостоятельно могли избрать своим тотемом одновременно и разные роды финских и тюркских народностей, равно и арктические племена. Медведь, как наиболее крупный представитель местной фауны, должен был быть излюбленным тотемом, а его сила, равно и опасность, представляемая борьбой с ним, помогла ему, не утрачивая зооморфных черт, подняться в разряд национальных сверхестественных существ, а культу его способствовала продержаться до наших дней“².

---

¹ Там же, стр. 152.

² Н. Харузин. Тотемическая основа медвежьей присяги. Подробный, хотя не исчерпывающий литературы, в особенности русской, обзор медвежьего культа см. в работе Hallowell J. Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere. *American Anthropologist*, vol. 28, 1926.

Этнография тунгусо-манчжурских племен находится в младенческом состоянии. Поэтому неудивительно, что сведения о тотемизме среди них чрезвычайно отрывочны. На тотемизм орочей весьма неопределенно указывал Штернберг: „За касаткой они никогда не охотятся и даже когда ее выбрасывают,—не пользуются ее жиром, а гиляки и айны бережно складывают ее кости в особые гробницы. Айны выставляют головы касатки на берегу и молятся ей как доброму гению. Орочи относятся к ней не с таким благоговением, как айны, но все же приносят ей по несколько раз в год жертвы“¹. Более определенным указанием на тотемическую основу культа касатки является следующее замечание того же исследователя: „Если вы попросите самих орочей указать на характеристические признаки рода, то они назовут „один огонь“, „медведь один“, „касатка одна“, „штраф один“ и „грех один“². Наконец Штернберг же указывает на предание о том, что в старину девушки—правда во сне,—имели половые сношения с тигром и медведем и потом рожали людей³. Но, конечно, этих данных было бы недостаточно, если бы не сообщения новейшего исследователя—Лопатина: „Тотемистические воззрения орочей выражаются в почитании определенных скал, тигра и медведя... *Каждый ороцкий род производит себя от каких-либо животных или неодушевленных предметов.* Так, например, род Мулинка предполагает, что когда-то, в незапамятные времена, он произошел от скалы на речке Мулин (приток реки Тумнин). Род Тыктемка, по убеждению сородичей, произошел также из скалы. Это было на р. Тыктемка. Там сейчас еще видны в скалах углубления в виде дыры. Из этих дыр вышли первые люди Тыктемки“. „...Еще более яркие тотемистические воззрения можно наблюдать в отношении орочей к тигру и медведю. Тигра (амба) орочи считают священным животным и никогда на него не охотятся. Они считают его своим предком. Если охотник встретит в лесу тигра, то бросает ружье, становится на колени и читает особые молитвы“... „Далее легенды рассказывают о склонности тигра к половому сожителю с орочками. У орочей даже существуют имена женщин и название местностей, с которыми связаны подобные легенды“⁴. В показаниях Лопатина осо-

¹ Сообщение Л. Я. Штернберга в Обществе Изучения Амурского Края, газ. „Владивосток“, 1896, № 51.

² Там же, № 50.

³ Там же, № 51.

⁴ Лопатин И. Орочи—сородичи манчжур. Харбин, 1925, стр. 19.

бенно важна подчеркнутая мною фраза, к сожалению, не конкретизируемая им достаточно полно. И хотя Лопатин ни в коей мере не принадлежит к числу исследователей безусловно внушающих доверие¹, тем не менее я не считаю возможным просто отбросить его показания.

О негидальцах мы имеем одно, правда, не допускающее кривотолков сообщение: „У племени негда, например, почти каждый род ведет свое происхождение от того или другого рода животного (тигр, жаба, медведь и т. д.)“². В. Цинциус и В. Мыльникова, работавшие целый год среди негидальцев, отмечают также наличие у них сложной, сходной с секционной, системы³.

Для ульча мы можем сослаться на следующее замечание Липского: „с одинаковым, если только не с большим основанием можно было бы использовать для объяснения сути термина „ульча“—слово ульчского языка ul (или кэнги) название одного из крупных видов нерпы—тотемного животного одного из ульчских родов“⁴.

Липский, безусловно лучший знаток Амурских народностей, владеющий ульчским диалектом, сомневается в возможности вывести название „ульча“ из слова „ul“, но то, что нерпа является тотемным животным одного из ульчских родов указывается им в совершенно категорическом тоне.

Об ороках—ближайших родичах ульчей, мы знаем лишь, что у них практикуется медвежий праздник „гиляцко-айнского типа, что с нерпой и касаткой... связаны представления, близкие гиляцким и ороцким... Убой нерпы, съедение ее мяса и обращение с остатками (погребение) носят ритуальный характер. Нерпа убивается специальной деревянной палицей. Многие части нерпы имеют сакраментальное (автор хочет сказать сакральное) значение. Глазная жидкость, хрусталик и желчь возвращаются обратно морю, также и очищенный от мяса череп, украшенный „ilâu“ (инау). Для еды мяса нерпы существует ритуальная посуда“. „Важнейший компонент мировоззрения орок—зоолатрия, частным случаем которой является медвежий культ. Весьма многие

---

¹ См. хотя-бы А. Липский. „Гольды“ Лопатина. Критический обзор части книги. Владивосток, 1925.

² Штернберг. Гиляки. Э. О. кн. 68, с. 100.

³ Тунгусский сборник. 1931. Изд. Ак. Наук.

⁴ А. Н. Липский. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна р. Амура. Первый туземный съезд Д. В. О. Хабаровск. 1925.

животные почитаются за сверхестественные существа, наделенные особыми силами“¹.

Итак у орочей, негидальцев, ульчей и ороков, равным образом представляющих собой отчасти переходные формы от палеоазиатских к манчжурским или тунгусским племенам, отчасти смешение их между собой, мы находим, наряду с культом медведя культ касатки и нерпы, или прямое обозначение родов по тотемическому животному, сочетающиеся с верой в сожительство человека и животного. Это позволяет считать установленным у них наличие следов тотемизма. Мы не сомневаемся, что дальнейшие исследования позволят нарисовать более яркую картину тотемизма у этих племен.

Конкретных указаний на тотемизм у гольдов чрезвычайно мало. Лопатин пишет: „запретным животным является тигр (амба). Убивать его и есть мясо нельзя ни в каком случае. При встрече с ним или увидя его следы, охотник кланяется и читает молитву. По всем признакам тигр у гольдов считается тотемным животным. Сюда же следует отнести и медведя“². Запрет убивать тигра или кланяться его следу и некоторые черты почитания медведя, после рассмотрения нами этих вопросов в связи с гиляцким медвежьим праздником, должны быть оценены как остатки тотемического культа. Интересную деталь приводит тот же Лопатин, рассказывающий, что по повериям гольдов, если охотник убивает тигра, то ему во сне является старик величественного вида в роскошной одежде и говорит— „зачем ты убил моего сына, ты даже не должен был ходить по его следам“. *Снять грех может один гольдский род неких актенков. Они считают себя потомками старика и родственниками тигров*“³. Это уже довольно яркая тотемическая черта. К ней нужно присоединить еще довольно многочисленные сказания гольдов о сожительстве женщин с тиграми и медведями⁴. Это все, что пока известно о гольдском тотемизме. Впрочем Н. Каргер, работавший среди гольдов, в рецензии на книгу Лопатина („Этнография“ № 1, 1928, с. 141) утверждает, что „целый род гольдских родов имеет особых тотемных животных“... Прихо-

¹ П. А. Васильев. Основные черты этнографии ороков. Этнография № 1, 1929, стр. 19—20.

² Лопатин И. А. Гольды, амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, стр. 101.

³ Лопатин. Гольды, стр. 207.

⁴ См. Лопатин. Гольды, стр. 206—7.

дится пожалеть, что Н. Каргер до сих пор не опубликовал своих материалов.

Зато у тунгусов тотемизм выступает с рельефностью, не возбуждающей сомнений и в тесной связи с шаманством. В тунгусском шаманстве огромную роль играют духи—этаны, являющиеся помощниками шамана. По этому поводу П. М. Суслов пишет:—„В культе этанов открывается большая связь с культом предков и существовавшим в прошлом тотемизмом. Этаны—это несомненно бывшие тунгусские тотемы“¹.

„Эти харги (души предков—А. З.) часто рисуются шаманами в образе полулюдей, полуживотных. В одном из шаманских сеансов (шаман Конгоньо) мне удалось наблюдать, как шаман изображал погоню за похищенной душой на плоту по речке на земле хергу под охраной целой компании чудовищ—харги, среди которых находятся полулюди-полуволки (харгинильве—иргичильвэ), полуросомахи, полулюди (харгинильве—джянтакильвэ), полулюди-полумедведи (харгинильве—амакачив-тавоныльколь), полулюди-полузмеи (харгинильве-кулиньве). Медведь, волк, росомаха, змея на земле дулю являются этанами. На земле же хергу мы видим они представляются хавонами. Полулюди, полуживотные, фигурирующие в этом шаманстве суть следовательно обожествленные полуэтаны, полухавоны“².

„На различных местах костюма нашиты металлические изображения пресмыкающихся, птиц, животных—это этаны души, которые вселяются в шаманы в момент надевания ими костюма, все они питаются телом шамана и пьют его кровь... Все эти этаны, подчиняющиеся харги, являются тотемами древних тунгусов“³. Это утверждение Сусллова находит подтверждение в сообщении Липского, согласно которому тунгусы и самагиры считают коршуна священной птицей и не только не смеют его убивать, но найдя его мертвым, кланяются ему до земли, затем поднимают и укладывают на дереве, т. е. делают как раз то, что делает гольд с тигром⁴. Н. Каргер доказал, что род Самагир, сложился из слияния двух родов, один из которых вел свое

¹ Суслов. Шаманство и борьба с ним. „Советский Север“. 1931, № 3—4, стр. 100.

² Суслов. Шаманство и борьба с ним. „Советский Север“. № 3—4, 1931, стр. 104.

³ Суслов. Там-же, стр. 105.

⁴ А. Липский. Краткий обзор тунгусо-манчжурских народов Амура, с. XXII.

происхождение от коршуна, другой от ныне утерянного тотема: в настоящее время коршун считается предком всего рода Самагир¹. Другой исследователь говорит, что енисейские тунгусы относятся с чрезвычайным почтением ко всему животному царству. „Кости животных, птиц, рыб собирают в кучу и складывают в укромном месте, чтобы их не топтали и не оскверняли женщины“². Он же сообщает о пищевых запретах: „к числу запретных животных (?) относятся: лисица, волк, горноста́й, росомаха, крыса, барсук, колонок, мышь и скисшее оленьё молоко. Из пернатого царства в пищу не употребляют: чайку, кроколя, кулика, сокола, сову, дикого голубя, филина, орла, кукушку, дятла. Из рыб запретных нет“³. Мотивировка этих запретов не ясна, а перечисление запрещенных животных и птиц может вызвать предположение не о табуации, а о простой непригодности к пище (за исключением кулика и дикого голубя). Но в другом месте Рычков определенно говорит: „туши добытых животных, запретных для пищи, или подвешивают, или зарывают в мох“⁴.

Что касается родовых тотемов, то присутствие их у тунгусов установлено тем же Рычковым. „Животное, не нужное тунгусу, он никогда не убивает напрасно, считая это тяжким преступлением под страхом возможности убить какого-либо сородича в образе животного, т. е. верование тунгусов заключается в поклонении животным, почитаемым как сородичи, или как родоначальники их...“

„Институт тотемизма у тунгусов принял достаточно ясно выраженную форму, т. н. совершенно наглядно можно проследить и самый генезис этого интересного явления первобытных религий. Животные, которым тунгусы поклоняются, или предки, принимающие по мере надобности образ того или другого животного, почитаются божествами.“

„Божества эти заселяют средний и подземные миры и ведут такую же жизнь, как и сами тунгусы, имеют там детей, сородичей и пр. Поклонение тотемам распространено на весь класс данного объекта и обязательно для своего рода в отдельности, ибо у тунгусов вырабатывается система отдельных тотемов для каждого рода. Таким образом

---

¹ Н. Каргер. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р. Гарна, с. 6. Оттиск из трудов КИПС.

² Рычков. Енисейские тунгусы. „Землеведение“. 1927 г., стр. 95.

³ Рычков. „Землеведение“. 1917 г., стр. 43.

⁴ Рычков. „Землеведение“. 1922 г., стр. 95.

тотем является важнейшим символом родства¹. К сожалению Рычков не приводит списка тотемных животных различных родов, но его авторитет, как исследователя, стоит достаточно высоко и сомневаться в существовании родового тотемизма у тунгусов не приходится. Что же касается тотемных названий родов, то исследованием Широкогорова установлено, что раньше тунгусы были организованы в матрилинеальные роды². К сожалению, я не мог достать этой работы и вынужден пользоваться рецензией Nieuwenhuis'a³. Существование материнского права у тунгусов подтверждается также китайскими источниками⁴. Если бы нам были известны названия этих первоначальных матрилинеальных родов, то весьма возможно, что они оказались-бы тотемическими.

Медвежий праздник до сих пор сохранился у енисейских тунгусов⁵. „В случае удачной охоты на медведя, тунгусы устраивают медвежий праздник, сопровождающийся различными церемониями и обрядами; устройство праздника является уже родовым делом, отчего праздник этот, кроме своего религиозного значения, играет еще огромную роль в общественной жизни тунгусов. Раньше у них существовал обычай вскармливания медведей, но он вышел из употребления, и теперь, в тех же целях, тунгусы держат при себе только некоторые части медведя, присутствие которых отгоняет всяких злокозненных духов, вечно покушающихся на жизнь и здоровье тунгуса. Например, шкуру с головы медведя хранят при себе шаманы, а лапы медведя имеются почти в каждой семье“⁶. Описание медвежьего праздника тунгусов, по содержанию и форме, мало чем отличающегося от айнско-гиляцкого, мы найдем в цитированной работе Рычкова.

Наличие медвежьего праздника, родовых духов в звериных образах, пищевых запретов и родовых тотемов позволяют считать доказанным бывшее существование тотемизма у тунгусов.

---

¹ Рычков в. „Землеведение“. 1922 г., стр. 95—96.

² Shirokogoroff. Social Organization of Northern Tungus. Shanghai. 1929.

³ International Archiv f. Ethnographie. 1931.

⁴ Parker E. A Thousand Years of Tartars. 1896, pp. 119—121.

⁵ Весьма значительные остатки его обнаружены Е. Титовым у нижнеангарских тунгусов Киндегирского рода („Сибирская Живая Старина“, 1923). Там же дан перечень имен—обычно иносказательных, которыми тунгусы Н. Ангары величают медведя.

⁶ Рычков в. Енисейские тунгусы. „Землеведение“, 1922 г.

Иохельсон, один из немногих этнографов, побывавших у юкагиров, сообщает, что каменный юкагирский, или второй алазейский юкагирский род называется юкагирами Erbetken—омок—род гуся¹. Другой род называется Andi omok—род рыбы², а живущий на р. Ясачной Colqord omok род зайца³. Сам Иохельсон отрицает тотемическое значение этих названий, утверждая, что у современных юкагиров полностью отсутствуют тотемические воззрения.

„Юкагиры говорят—пишет он, что коркодонские туземцы, именуется кланом рыбы, потому что они питаются исключительно (?) рыбой, а клан гуся носит свое название по инциденту с шаманом, превратившемся в аиста (а не в гуся, как предполагают) и улетевшего за птицами, так что имена этих двух кланов не содержат и указаний о былом существовании тотемизма у юкагиров“.

Здесь Иохельсон факты, тотемические в их основе, пытается интерпретировать при помощи объяснений позднейшего происхождения, которыми туземцы хотят осмыслить ставшие для них непонятными тотемические пережитки. Отрицание Иохельсоном тотемической основы этих фактов тем более странно, что сам же Иохельсон указывает, что ясачные юкагиры ведут свое происхождение от зайца и считают себя тождественным с этим животным, и что „сознание происхождения основных групп каждого клана от общего предка существует во всех кланах. В древнее время предки клана были объектами специального культа“⁴.

В своей более ранней работе Иохельсон был ближе к истине. „В некоторых родовых названиях—писал он—там можно усмотреть следы тотемизма. Заяц и рыба были вероятно тотемами ясачных и поповских юкагиров. Один из тундренных юкагирских родов называется Эрбеткэн-омок—гусиный род“⁵. В этой же работе он высказал предположение, что заяц был тотемом Ушканского рода⁶.

Аналогичную Иохельсону оплошность допустил Кастрен, по сообщению которого самоседы распадаются на две фратрии (две больших „отрасли“, как он выражается), из

¹ Jochelson. The Yukaghiren and Yukaghirtzed Tungus. p. 48.

² Jochelson. Там-же, стр. 115.

³ Jochelson. Там-же, стр. 115.

⁴ Jochelson. Там-же, стр. 117.

⁵ Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб. 1900, ч. I, с. 106.

⁶ Иохельсон. Там-же, с. IV.

которых одна называется окуньи люди, другая—журавлиные люди¹. Кастрен производит эти названия от Окуньей и Журавлиной рек, но по справедливому замечанию Максимова, с равным правом можно предположить, что не люди назывались по рекам, а реки по людям. Не разобравшись в журавлиных людях, называвшихся также тетеревиными, гусиными и орлиными людьми, Кастрен, ничего не знавший о тотемизме,—меланхолически заключает: „все это вариации одной и той же длинной птичьей истории“². Смысл этой птичьей истории заключался очевидно в том, что самоеды распадались на две секции—секцию окуня и секцию журавля и что эта последняя, в свою очередь состояла из родов тетерева, гуся и орла, почему журавлиные люди могли называться одновременно тетеревиными, орлиными и гусиными. Что наше предположение не голая спекуляция, доказывает сообщение Иславина, согласно которому самоеды распадаются на шесть главных родов. имеющих несколько подразделений“³.

Тот же Иславин указывает, что одно из подразделений рода Тыссии называется „родом песка“, что по его мнению происходит от того, что они занимались песцовым промыслом. Он же называет Упакан-Логей—собачий род и Пырерко-Логей—щучий род⁴. Наряду с прочими тотемическими чертами у самоедов отчетливо выражен медвежий культ: „Идолы ими почитаемые—пишет Фр. Белявский—медведь и волк, но кроме того имеют других кумиров, изображающих зверей и птиц коим поклоняются равно как и первым, предпочитая однакож медведя и волка, как злых богов, наносящих вред им и их оленям“⁵. У самоедов Большеземельской тундры существует два имени для медведя: одно сакральное, употребляемое только во время присяги, другое—обыденное⁶. На шкуру медведя нельзя ложиться. Согласно Шренку даже клочек волос от белого медведя нельзя топтать—это грозит несчастьем⁷. Мясо медведя—по словам

¹ Кастрен. Путешествие по Лапландии, С. России и В. Сибири. Магазин земледения и путешествий Географический сборник Н. Фролова, ч. VI. 1860.

² Кастрен. Там-же, стр. 340.

³ Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб 1847, с. 123.

⁴ Иславин. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб 1847, с. 123.

⁵ Фр. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. 1825, с. 149.

⁶ Старцев. Самоеды. Ленинград 1930, с. 106.

⁷ Шренк. Путешествие на С.-З. Сибири, I, 362.

Г. Старцева—стали употреблять в пищу только в последнее столетие, женщинам его есть и теперь запрещено¹. По словам Абрамова самоеды питают благоговение к белому медведю, как остяки к черному. Куренье медвежьим салом считается лучшей предосторожностью от бед и неудач в промысле². Береговые юраки оказывают медведю почести песнями и пляской. Клятва его именем считается сильнейшей³.

Кроме медведя Старцев и Рычков указывают как на священных животных—на орла, ворона, ворону, воробья, паука, сороку, хырисику(?) и ревчу(?) (рыба), убивать которых запрещается⁴. Приведенные данные не оставляют сомнений в реальном существовании пережитков тотемизма у самоедов, проявляющегося 1) в тотемических родовых названиях, 2) в происхождении определенного рода от определенного вида животных, 3) запрете есть мясо тотемического животного.

Весьма пространно, хотя, к сожалению, черезчур общеповествует о тотемизме остяко-самоедов Кай Доннер. „Важнейшими божествами самоедов являются Куэдар гум—родовые боги. Каждый род почитает своего собственного бога, занимающего центральное место в культе“. „На Тyme мы встречаем этого духа, представленного в различных формах. Самое замечательное то, что представляют его всегда животным, хотя бы наделенным человеческими свойствами. На верхней Кети он изображается медведем и род называет себя поэтому родом медведя, т. к. род происходит от этого животного. Я не буду распространяться о том, как они мыслят себе свою родословную, а только укажу на тот факт, что самоеды и ныне твердо верят в превращение людей в животных и обратно“.

„Тотемное животное особым образом почитается самоедами. Как бы вредно и свирепо не было бы это животное, его не убивают и остерегаются, между прочим, есть его мясо. Они рассматривают это также как мы канибализм и глубоко убеждены, что это равносильно поеданию собственного мяса и крови“.

¹ Старцев. с. 106.

² Абрамов. Описание Березовского края. Зап. Имп. Р. Г. О т. 4, 1857, с. 358.

³ Рычков. Береговой род юраков. Записки Западно-Сиб. От. ИРГО т. 38, 1916.

⁴ Старцев. с. 107—108, Рычков. Там-же.

„Тотемический предок рода, как уже сказано, самый властный из самоедских богов. Они верят не только в то, что он может распоряжаться богатством и счастьем, но и призывают его во всех случаях повседневной жизни. Он может сделать человека хорошим, бесплодной женщине подарить детей, он благославляет работу и облегчает жизнь. Ему род в целом, при ежегодно повторяемых праздниках, приносит в жертву, мужчины—оружие, меха и деньги, женщины—иголки, нитки и платки“¹.

Показания Доннера настолько категоричны, что я не вижу возможности их отвести под каким бы то ни было предлогом, как это делает А. Н. Максимов², тем более, что они подтверждаются гораздо более точной информацией Прокофьева. „Весь народ остяко-самоедов делится на две экзогамных секции: орла и кедровки. „Я спросил одного остяка-самоеда из рода кедровки—рассказывает Прокофьев—почему он не истребляет эту птицу, если она вредит белковому промыслу, поедая орехи. Он сам указал мне на это, но тут он ответил: „как его будешь убивать, ведь это мой брат“.

„Люди орлы дразнят людей кедровок: „мой брат орел ест все—и мясо, и рыбу, и разное другое, а твой брат кедровка, одни орехи ест. С орехов у него делается запор и он погибнет“.

„Деление народа на две особые группы красной нитью проходит через все шаманство. Так для того, чтобы обтягивать бубен кожей, нужно позвать двух женщин—одну из рода кедровки, другую из рода орла. Также и кузнецы, выделяющие железные части шаманского облачения, должны быть вдвойне—один из рода кедровки, другой из рода орла. Топография шаманской дороги во время экстаза распадается на путь по реке Кедровке и путь по реке Орла“³. Тут мы имеем просто классический случай тотемизма, которому может позавидовать любое индейское племя. Правда, сам Прокофьев, заявляет: „В настоящее время не приходится говорить о существующем у остяко-самоедов тотемизме. По некоторым данным можно догадаться о существовании этого института в более отдаленные

---

¹ Kaj Donner. Bei den Samojeden in Sibirien, s. 100—103.

² См. Максимов. К вопросу о тотемизме.

³ В. Г. Богораз-Тан. Работа Г. Н. Прокофьева среди остяков-самоедов. Этнография 1928 № стр. 94—95.

времена“¹. Очевидно что, Г. Н. Прокофьев недооценивает значение сообщаемых им фактов. Ведь деление на два тотемных рода существует и теперь, орел и кедровка, как следует из приведенного выше сообщения самого же исследователя и теперь считаются братом, и теперь их нельзя убивать, и до сих пор их иногда держат в клетках. Перечисленные факты доказывают, что нет достаточных оснований, чтобы относить существование тотемизма к отдаленному прошлому остяко-самоедов.

О соседних с остяко-самоедами кетах наши сведения чрезвычайно скудны. Известно, что их племя делится на две экзогамные секции—секцию огня и секцию лыжного посоха². Они верят будто многие птицы—например, кукушка и рябчик—были раньше людьми³, и наконец, что они считают орла табуированной птицей⁴. Все это, конечно, можно рассматривать, как пережитки тотемизма, и я не сомневаюсь, что дальнейшие исследования этого очень мало известного племени обнаружат его яркие проявления, но пока этот вопрос не может считаться решенным.

Более основательные сведения мы имеем о тотемизме у угорских остяков. Еще Григорий Новицкий сообщал о культе гуся⁵. Иртышские остяки считают священными животными мамонта, гуся, лебедя, ворону, щуку, ястреба и водяное животное, называемое ими *jug*⁶. Следы тотемизма находятся и среди ваховских остяков, каждый род которых имеет свое родовое божество, обладающее способностью превращаться в животных, щуку, лебедя, ястреба и т. п.⁷

На то, что почитание животных у остяков носит не племенной, а родовой, следовательно безусловно тотемический характер, указывает не только замечание Патканова:

„Некоторые остяки считают змею священным животным“⁸, но более определенные данные Г. Старцева: „На

---

¹ Прокофьев. Остяки самоеды Туруханского края. Этнография 1928, № 2, стр. 101.

² Прокофьев „Этнография“ 1928 г. стр. 101.

³ Анучин В. Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 17.

⁴ Финдейзен Г. Из поездки к кэто. Северная Азия 1929 г. № 2 стр. 128—128.

⁵ Краткое описание о народе остяком, сочинен. Григорием Новицким. СПб. 1834 ст. 55—57.

⁶ Patkanov, Die Irtysch Ostjaken und ihre Volkspoesie. St Pet 1897 г. В. I. 123—133.

⁷ Шатилов Б. Ваховские остяки. Труды Томского Краевого Музея. 1931 г. стр. 81.

⁸ Patkanov. Т. I. s. 133.

Югане, пишет он, до сих пор существуют роды, которые своим покровителем считают лося и горностаю. Остяки по реке Пиму ведут свой род под покровительством росомахи. Ведя свой род под покровительством тотема, убивают тотемных животных нехотя и при нечаянном убийстве просят у них прощения и приносят куми (духам) жертву. В тамге подписи многих остяков и теперь еще фигурирует изображение тотемного зверя¹. Существование тотемических запретов у остяков отмечает и С. Руденко: „Относительно того, какие звери, птицы и рыбы употребляются в пищу, нужно сказать, что съедается все: и чайки, и совы, и белки, медведи, росомахи и другие хищники и всевозможные рыбы. Не едят только тех животных, которые являются для данного рода—табу, будь то остяки или вогулы. При этом принимается во внимание чисто религиозные мотивы и то животное, которое нельзя употреблять в пищу, обычно нельзя убивать и ловить. Вместе с тем остяк или вогул одного рода не будет убивать или есть ту птицу или рыбу, которую ест одноплеменник из другого рода и наоборот. Так местами не едят щуку, налима, чайку, гагару, некоторые виды уток, орла, гуся, лося и других животных“².

В неоставляющем желать лучшего по четкости сообщения Руденко вызывает недоумение фраза: „остяк или вогул одного рода не будет убивать или есть ту птицу или рыбу, которую ест одноплеменник из другого рода“. Очевидно она должна означать: определенные виды птиц и зверей, запретные только для определенного рода.

Отметим также, что удмурты считают священной птицей лебедя, от которого они ведут свое происхождение³, а вогулы подобно кетам распадались на две экзогамных секции⁴.

Приведенные свидетельства не позволяют сомневаться в существовании тотемизма у угро-финнов.

---

¹ Старцев Г. Остяки. 1928, стр. 55.

² С. И. Руденко. Инородцы Нижней Обл. Труды О-ва Землеведения СПб. 1914 стр. 33—34

³ Шатилов. Ваховские остяки, с. 4.

⁴ Гондатти. Следы язычества у инородцев С.-З. Сибири. 1898, с. 37.

Согласно китайским источникам праотец тюрков—Тюкоо родился от волчицы. Т. наз. лебединцы (р. Лебедь приток Би) называют себя до сих пор ку-кши люди лебеда, т. к. они произошли от лебеда¹. Еще 200 лет назад, по сообщению Штраленберга, „у якутов каждый род считал священным какое нибудь животное, например: лебеда, гуся, ворона. Животное, считавшееся священным, не употреблялось в пищу только одним родом в то время как другие его могли употреблять“².

Отличающееся поразительной ясностью показание Штраленберга само по себе достаточно для того, чтобы вопрос о существовании тотемизма у якутов считать решенным в положительном смысле, но и у более поздних исследователей мы находим свидетельства, идущие в этом направлении. Так Серошевский отмечает, что „каждый род и каждый второстепенный родовой союз имел свои знаки „знамена или тамги“, как их называли воеводские власти того времени, имел свои родовые кличи, свои военные песни и прозвища. Эти кличи, песни, формы и названия „знамен“ совершенно забыты якутами. Раз только случилось, что колымские якуты конгальского рода сказали мне, что знак их в старину был беркут. Названия многих родов и союзов как лисица, медведь, венера, желудок, плешивый, обжора и т. п. указывают приблизительно какие могли быть у них знамена“³.

Тотемизм, бывший еще в полном расцвете во времена Штраленберга, совершенно разложился ко времени Серошевского и последний судил о „родовых знаменах“ по показаниям казаков и воеводских властей. Разумеется, от подобных источников не приходилось ожидать точности. Сам Серошевский приводит название „знамени или тамги“ в кавычках, ибо ему эти термины представлялись не слишком точно передающими существо дел. Из его показаний явствует, что речь идет о названиях, прозвищах родов по животным, при чем каждый род имел своим знаком именно тотемическое—животное, порядок, который мы находим у америндов и у остяков (см. выше показание Старцева). Наличие же в списке таких, отнюдь не тотемических названий, как желудок, плешивый, обжора, прекрасно поясняет сам

¹ Шатилов. Ваховские остяки, с. 4.

² Stralenberg. Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. s. 377.

³ Серошевский. Якуты. стр. 469—470—471.

Серошевский, говоря— „среди этих знаков неизвестно, какие родовые, какие семейные или личные; казаки не обращали на такие подробности внимания“¹.

Другой исследователь якутов Шукин пишет, что каждый род имеет особого заступника или ходатая. Его представляют под видом белогубого жеребца, ворона, лебедя, сокола и пр. Этим животным не употребляют в пищу². То же подтверждает Горохов, указывающий, что тотемом было непременно животное, из которых он называет горностая, орла ястреба, белку и сойку. По его словам род не смел не только убивать свое тотемное животное, но и не называл его по имени³. Ионов подтверждает, что каждая „большая семья“, т. е. материнский род, имели особого родового покровителя, орла, лебедя, ворона, ворону, бурундука. Этот покровитель назывался также торут—основа, корень, что указывает на веру в происхождение от этого покровителя⁴.

Все это должно убедить даже самого заядлого скептика в существование тотемических верований у якутов.

Из числа других турецких народностей нужно указать на телеутов, у которых, по словам Н. П. Дыренковой, „есть также предания некоторых сёок'ов о их как бы (!) тотемном происхождении. Так, например, сёок Мärkim считает себя происшедшим от беркута и рассказывает, что их сородичи (дальше в горах Алтая) в юрте вешают когти этой птицы. Сёок Уутты имеет своим родоначальником барана, а Јуптас— орла с белой головой.

В Чамале, даже священник из алтайцев, перечисляя генеалогию своего сёок'а Каргілу указал на медного быка „Јäспуҕа“ как своего „родоначальника“⁵

А. Н. Максимов цитирует устное сообщение И. Е. Евсеина, согласно которому у карагасов улуса Сары-хать есть родовое подразделение палык—рыба. По рассказам стариков этот род ведет начало от мелкой рыбешки, которую они называют пот-палык (вошь рыба). Рассказывают, что эта рыбешка вкусная, но род, ведущий от нее свое происхож-

¹ Серошевский. Якуты (стр. 47, примечание).

² Шукин. Поездка в Якутск. СПб. 1844 стр. 2/6.

³ Горохов Юрюнг—Уолан. Якутская сказка. Изв. ВСОРГО, т. XV, № 5—6. 1844.

⁴ В. М. Ионов. Орел по воззрениям якутов. Сборник МАЭ, XVI, стр. 2.

⁵ Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеутов. Материалы по свадьбе и семейно-родовому быту народов СССР. В. 1, стр. 249.

дение, в пищу ее не употребляет. Есть еще один род, ведущий свое происхождение от животного, похожего на крога (может быть и крота). Животное это, по их представлению нельзя убивать¹. Следует также отметить, что Потаповым установлены следы культа медведя у алтайских турок². Г. Н. Потанин сообщает, что члены одного из киргизских поколений „Казбек“ считают себя происходящими от филина. Поэтому они всегда выкупают пойманного филина и выпускают его на волю, а если увидят, что кто-нибудь мучает птицу, вступают в драку со словами: „зачем мучаешь моего отца“³. Наконец, А. Н. Максимов приводит, заимствованное им у персидского историка Рашид Эддина (конец XIII века), сообщение, из которого ясно следует наличие тотемических родовых делений у древних тюрков, делений из которых каждое связано с определенным видом животных, которых есть и убивать запрещалось. Из того же сообщения вытекает наличие у древних тюрков разделения на две секции с тотемическими покровителями.

В изобилии сохранились следы тотемизма у современных туркменов. „В терминологии туркменских родовых делений—пишет С. Толстов—тотемическая их основа вскрывается со всей наглядностью. Там мы находим, например, такие названия: Ак-Окуз—(белый бык), Кара-Окуз (черный бык), Аи-ляр (медведи), Бургут (ястреб), Газ (гусь), Дуэ (верблюд), Елон (змея), Ит-баш (собачья голова), Ишак (осел), Кулан (дикий осел), Кяклик (куропатка) и т. д.

Рядом с названиями животных—немногочисленные названия растений: (напр. Кяшир—морковь, Дари—просо), небесных светил (Ай-эне — мать луна, Аим—моя луна), неодушевленных предметов (лед, повязка, деревянные лапти, лапти). Перед нами богатый набор типично-тотемистической терминологии. Особенно распространенными оказываются бык, собака, верблюд и осел“.

---

¹ Максимов. К вопросу о тотемизме, стр. 6. Т. к. в настоящей работе мы не считали возможным коснуться вопроса об этнографической периодизации народов Сибири—это тема специального исследования,—то руководясь лингвистическими данными отнесли карагасов к числу турецких народностей. Но едва ли можно сомневаться в том, что карагаский тотемизм относится к еще до турецкому слою их культуры.

² Потапов Л. Пережитки культа медведя у алтайских турок. „Этнограф-Исследователь“, № № 2—3; 1928.

³ Г. Н. Потанин. Очерки С.-З. Монголии. Цит. по Максиму. К вопросу о тотемизме, 6.

„Не менее определенные указания на тотемизм мы найдем, анализируя тексты киргизских и казакзских шаманов... В числе духов,—мы уже отметили связь духов вообще с духами предков—упоминаются: собака—Актубет и Сак Тубет, несколько раз кони, черная сова, змея-удав, кречет, какие-то духи с верблюжьей и лисьей головой, джибарс—тигр и др.“

„Повсеместно распространен культ змей. Наконец, тот же тотемистический элемент прослеживается в многочисленных пищевых запретах. Элементы культа жаворонка, имя которого носит один из туркменских родов, мы находим у киргиз“.

„Сюда же отчасти можно отнести и украшения мазаров—этих бывших родовых святилищ—рогами и хвостами животных“¹. Следовательно и для тюркских народностей собирается ряд весьма солидных показаний, говорящих о существовании у них тотемизма.

Мне известно одно указание на существование тотемизма у бурят: Агапитов и Хангалов говорят: „имеется предание о происхождении родов харят и шарят от брака шамана с девушкой лебедя. Поэтому эти роды считают лебедя своим предком и не убивают его“.

Кроме того некоторые племена считают своим предком быка, а в сказках и обрядах, отмечаются следы почитания змей².

Палеоазиатские народности занимают несколько обособленное положение в этнографической литературе о них сложилось мнение, согласно которому они не знают и не знали ни родовой организации, ни тотемизма. Их социальный строй представляется туманным и расплывчатым. Так проф. Богораз полагает, что чукчи находятся в дородовой стадии³. Но этому решительно противоречит как общий уровень их самобытной материальной культуры (вполне развитый не-

---

¹ Толстов С. Религия народов Средней Азии. Религиозные верования народов СССР. Т. I, стр. 260. 1931.

² Агапитов Н. и Хангалов М. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. ВСРГО, т. 14, в. 3 № 1—2, стр. 22. 1883.

³ Богораз. Чукотский общественный строй по данным фольклора. „Советский Север“, №№ 5—6, 1930.

олит)¹, так и наличие у оленных чукчей, еще до прихода русских, элементов классового расслоения, частично принявших форму примитивно-феодальной зависимости.

Состояние вопроса среди буржуазных этнографов, занимающихся близкими чукчам эскимосами, может быть сформулировано словами одного исследователя: „социальная организация у эскимосов фактически, можно сказать, отсутствует. Единственной связью является семейная жизнь и некоторые религиозные запреты“².

Вопреки этому мнению, соображения методологического и общесторического порядка заставляют искать и у этих народов остатки родового строя и соответствующего ему тотемизма. Полагаем, что отсутствие сведений о них можно объяснить рядом причин: американские этнографы, изучавшие эскимосов, либо слишком мало интересовались вопросами социальных отношений, концентрируя внимание на материальной культуре и религиозной жизни, либо слишком примитивно представляли себе социальные отношения, удовлетворяясь ответом вроде вышеприведенного. С другой стороны, будучи в большинстве случаев противниками Моргана, они сознательно или бессознательно игнорировали черты родового строя, не являющегося для них необходимой ступенью развития. Сказанное относится и к Иохельсону и Богоразу, главным авторитетам по чукотско-коряцкой этнографии. Авторы же XVIII в. Стеллер и Крашенников попросту ничего не знали о родовом строе и тотемизме. Тем большую ценность приобретают их показания, из которых отчетливо вырисовываются черты как первого, так и второго.

Система родства чукчей, коряков и, отчасти, эскимосов, принадлежит к числу малайских систем. Как доказал еще Риверс, малайская система является переходной формой от собственно классификаторских систем к описательным, возникая как упрощение первой. В то время как классификаторская система отражает родовую структуру общества,

¹ Общераспространенное мнение о незнакомстве палео-азиатов с гончарством, как показывают старинные сообщения, не состоятельно. Так, например, капитан Шишмарев писал о чукчах: „В каждой юрте мы видели котлы: медные, железные, чугунные и глиняные; металлические, вероятно, получаютсЯ с Колыми или Гижиги, а *глиняные делают сами*; не знаю только, где берут глину“. Сведения о чукчах капитана Шишмарева, 1821. Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства, т. X, 1852, стр. 186.

² Hawkes. The Labrador Eskimo. Memoirs Canada Department of Mines, 91, 1916, p. 168.

описательная—моногамно-семейную, малайская представляет собой переход от одной к другой. Отсюда вытекает, что и эти народности должны были миновать стадию родового строя.

Разбор сообщений о тотемизме мы начнем с камчадалов. Камчадалы жили селениями (острожками). Каждый острожек состоял „из одной или нескольких земляных юрт и балаганов“¹. „Каждый острожек ту реку, на которой живет, почитает за владение *своего рода* (sic!) и с той реки на другую никогда не переселяется. Если по какой нибудь причине одна или несколько семей пожелают жить особливими юртами, то делают оные выше острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в реку их. Чего ради думать можно, что на всякой реке *живут сродники, которые происходят от одного прародителя*. Сами камчадалы по объявлению Стеллера говорят, что Кут, которого иногда богом, иногда *прародителем* называют, на каждой из камчатских рек жил по два года и детей родив, оставил на природном их месте, от которых каждая река имеет ныне своих жителей“². „На промыслы звериные—продолжает Крашениников—ходят камчадалы по своим рекам, что может быть, *преж сего, наблюдалось строго*“³.

У камчадалов практиковалась также кровная месть: „Кто кого убивает, сам от *сородников* убиенного бывал убиваем“⁴. Более подробные указания по этому поводу дает Стеллер, писавший: „Если случалось убийство, то родичи (Anverwandten) мстили за него, убивая виновного. Они шли в деревню, где жил убийца, предъявляли ему обвинение и требовали возмездия: если убийцу им выдавали, то они убивали его тем же способом, каким он убил их родственника. В случае, если его не выдавали и весь острожек защищал убийцу, тогда возникала война между ними, в которой принимали участие целые острожки“⁵.

Из приведенных свидетельств явствует, что 1) в каждом острожке жили родичи, 2) ведшие свое происхождение от

¹ Крашениников. Описание земли Камчатки, ч. II, стр. 25.

² Крашениников, Там-же, стр. 30.

³ Крашениников, Там-же, стр. 31.

⁴ Крашениников, Там-же, стр. 23.

⁵ Steller. Beschreibung von Land Kamtschatka. ss. 355—6. См. также Крашениников, стр. 62—3. „А остроги, де, они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту“. „Сказки“ Атласова об открытии Камчатки. Чтения в О-ве Истории и Древностей Российских, 1891, с. 7.

общего предка (того или иного сына Кутка); 3), сообща владевшие своими родовыми участками и 4) связанными обязательством кровной мести. Следовательно, острожек был ничем иным, как *локализованным родом*. Факт локальной экзогамии не оставляет места для сомнений. „Когда камчадал пожелает жениться, то высмотря себе невесту, обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселится жить туда“...¹ „Острожек состоит из одной семьи,— сообщает Стеллер,—которая растет и увеличивается через браки и деторождения, так как дочерей редко отдают в другие острожки, где бы они жили с мужьями. Напротив того, мужья должны покидать своих родителей и жить с родителями своей жены, домочадцами которых они становятся: там, где имеется много дочерей, легко может вырасти большой острожек и семья, над которой стоит старшина“². Из изложения Стеллера ясно, что браки, по крайней мере, в подавляющем большинстве случаев заключались *вне* своего острожка: он все время говорит о переселении мужа или в редких случаях, жены в другой острожек. Правда, по его же показаниям запрещались браки только между отцом и дочерью, сыном и матерью и разрешался между братьями и сестрами³. Но в этом последнем можно просто усомниться. Кроме того не ясно, идет ли речь о действительном браке или внебрачных связях, о кровных братьях и сестрах, или о классификаторских, между которыми внебрачные связи вполне вероятны в условиях матриархально-примитивного рода. Необходимо иметь в виду, что локальная форма экзогамии является первой формой экзогамии вообще, при чем в этот период особенно отчетливо заметен ее позитивный характер⁴. Первоначально сущность экзогамии заключается в обязательстве вступать в брак в определенной группе, и лишь потом к этому обязательству, в качестве его дополнения прибавляется еще запрет вступать в брак в своей группе⁵. Собственно только с этого последнего момента род окончательно конституируется, завершая свое формирование, чего, возможно, еще не случилось у ительменов. В пользу примитивности ительменского рода говорит также преобладание матрилокального брака,

¹ Крашенников, стр. 120.

² Steller, s. 211.

³ Steller, s. 347; Крашенников, стр. 124.

⁴ См. А. Золотарев. Происхождение экзогамии. Известия ГАИМК, том X, в. 2—4.

⁵ См. А. Золотарев. Там-же.

хотя известны отдельные случаи брака патрилокального (показания Крашенникова в этом пункте не ясны, см. стр. 122). Это позволяет заключить, что род у камчадалов находился еще на первой ступени и имел матрилинеальное наследование, ибо матрилокальный брак не может сочетаться с патрилинеальным родом. Напротив того, т. к. форма брака в своем развитии всегда обгоняет развитие форм наследования, то в условиях материнского рода мы находим очень часто патрилокальный брак: последнее указывает, что внутри материнского рода уже действуют силы, трудящиеся над его разрушением. Наличие матрилокальной и патрилокальной резиденций одновременно с преобладанием случаев первой, говорит о переходе от одной формы резиденции к другой, и следовательно о сравнительной сохранности материнского рода, только начавшего вступать в фазу своего разложения.

Итак, не приходится сомневаться, что ительмены жили в условиях материнского рода. А там, где существует эта форма рода, там нужно искать и тотемизм. Следы его отчетливо выступают в празднике кита по своему значению приближающийся к празднику медведя у гиляков. Этот праздник устраивали ежегодно в ноябре. В нем принимали участие, насколько можно судить по описанию Крашенникова, все жители острожка. Из юколы и сладкой травы делалось изображение кита, привязываемое к спине женщины, ползавшей на четвереньках вокруг очага. Детвора кидалась на чучело и разрывала его на куски, которые *по-едались мужчинами*. Тоже самое проделывалось на празднике волка с чучелом волка. Этот акт несомненно символизирует причащение тотемическим животным. По мнению Крашенникова он исполнялся камчадалами для того, „чтобы им прямых китов и волков промыслять и есть, как с травяным поступили“¹. Кроме волка и кита тот же автор указывает на „маленькую птицу“, которая „жарится и делится по куску всем камчадалам, и которую каждый надкушав в огонь бросает“². Сведения Стеллера значительно дополняют эти данные. „Они (ительмены) почи-

---

¹ Крашенников, стр. 95. „Они любят подражать в плясках своих движениям животных, ловимых ими, как-то: куропатке и прочим и особенно медведю, представляя его тихую и увалистую походку, разные его положения, т. е. медвежат около матери своей, любовные игры самцов с самками, и наконец их движения, когда бывают обеспокоены“. Лессепс. Путешествие по Камчатке, т. 1, стр. 101.

² Крашенников стр. 107.

тают кита и касатку из страха, чтобы не перевернули их байдары: они почитают волка и медведя из страха перед ними и имеют различные формулы, которыми они себя заговаривают. Все эти вещи не называются собственными именами, когда представляется случай, но восклицают—сипанг!—несчастье! Они заговаривают гагар очень смешно и думают, что все эти звери их язык понимают“¹.

Камчадалы считали грехом наступать на след медведя² (срав. с отношением гиляков в следу тигра). — После убийства медведя созывали всех друзей и знакомых и устраивали танец и пиршество. Хозяин обходил всех присутствующих с ножом и куском мяса в руках, гость хватает мясо зубами и хозяин обрезает кусок у самого рта. „По окончании трапезы хозяин обвивает обглоданный медвежий череп сладкой травой. приносит ему в жертву различные дары. просит прощение за убийство, советуя ему обратить свой гнев на русских и убеждая его не сердиться и сообщить своим сородичам. как его хорошо приняли. чтобы и они приходили без всякого страха. *По отношению к морским львам, тюленям и другим зверям прodelьваются такие же церемонии*“³.

Приходится пожалеть, что Стеллер ограничился общей ссылкой на „других зверей“, но вряд ли можно сомневаться, в его показаниях, безусловно распространяющихся на многих животных. Во всяком случае известно, что с выдрой связан ряд странных церемоний. Шкуру убитой выдры нельзя сушить в доме или около него, а только в лесу. Когда ктонибудь убьет выдру и сообщит об этом, то все выскакивают из дому с отчаянными криками, схватив первый попавшийся под руку предмет, „как при пожаре“ и ждут страшного несчастья⁴. Это наталкивает на следующее предположение: не была ли выдра табуирована и только меркантильные расчеты, привнесенные казаками, заставили камчадалов пойти на нарушение запрета?

К числу тотемистических моментов может быть отнесено также поверье, что волк повинен в рождении двойни. Для предохранения от этого делали чучело волка из травы.

Основываясь на вышеприведенных фактах, мы считаем возможным допустить, что кит, волк, касатка, тюлень, мор-

¹ Steller, s. 276.

² Steller, s. 276.

³ Steller, s. 330—331.

⁴ Steller, s. 275.

ской лев, выдра (?) и еще ряд неизвестных нам животных были тотемами камчадалов.

Переходим к эскимосам. Отсутствие сколько нибудь удовлетворительной литературы по азиатской части этого народа заставляет нас обратиться к обитателям восточного берега Берингова пролива, описанным Нельсоном. Предварительно отметим, что по нашему мнению береговые эскимосы сохранили древнейший слой культуры, непосредственно развившейся из „культуры Туле“. Культура карibu эскимосов, кочевых охотников за северным оленем, в которой Биркет Смит, а за ним католическая школа Шмита, видит древнейший слой эскимосского общества, возникла, по нашему мнению, в результате откочевки береговых племен внутрь страны и представляет собой не древнейшие остатки, а деградировавшие осколки¹. Их деградация выражается не только в отказе от оседлости, подземных домов, бола, рыболовной сети, лампы, скобеля и ряда других элементов, но и в том, что древние кровные связи, „в значительной мере ослабели, при чем, однако, их не заменила какая либо иная организация. Это верный признак вырождения“². По этой причине у них не обнаружено никаких следов родовой организации и тотемизма: по мнению Биркет Смита семья составляет ячейку их социальной организации³. Напротив того, Штернберг был вполне прав, говоря об оседлых береговых племенах эскимосов: „Родовые нормы носят черты матернитета. Муж по общему правилу переходит в дом жены: но если дети уже взрослые, отец остается также с ними. Родство по женской линии самое близкое и важное“⁴.

У эскимосов Берингова пролива встречаются следы тотемических родов, к сожалению столь плохо изученные, что затруднительно дать им полную характеристику. Нельсон

---

¹ Дискуссию по этому вопросу смотри: Birket Smith: International Archiv f. Ethnographie, XXIV, 1918; Его же: Preliminary Report of the Fifth Thule Expedition, XXI Congress International des Americanisten, XXI, 1925; pp. 190—205. Mathiassen: Preliminary Report of the Fifth Thule Expedition Archeology. Congress International des Americanisten, XXI, 1925, ss. 205—215. Birket Smith. Ueber die Herkunft des Eskimos und ihre Stellung in der zirkumpolaren Kulturentwicklung. Anthropos. № 1—2, 1930, s. 3—25; статьи Mathiassen'a и Birket Smith'a в „American Anthropologist“, 1931; Birket Smith. The Caribou—Eskimos. Report of the Fifth Thule Expedition. vol V, p. 1—2. Copenhagen, 1929.

² Энгельс. Архив Маркса—Энгельса, (VI) I, стр. 217—218.

³ Birket Smith. Caribou Eskimo. 1929 p. I. p. 258—59.

⁴ Штернберг. Эскимосы. Энцикл. Слов. Брокгауза Ефрона.

рисует их в самых общих выражениях: „От реки Кускоквим до Берингова пролива и бухты Коцебу эскимосы имеют регулярную систему тотемистических знаков и сопровождающие ее подразделения населения на роды“¹. „Оружие, утварь, даже лица украшаются тотемистическими знаками, при чем предполагается, что качества тотемического животного передаются предмету, на котором оно изображено. Главными тотемами являются волк, ворон и кречет. Для увеличения успеха охоты обычно носят с собой либо изображение тотема, либо его частичку, например, тотем ворона—лапки ворона“².

Насколько можно понять из изложения Нельсона, каждый кажим, а следовательно каждая деревня состоят из членов одного рода³. В пользу этого говорит и сравнение с алеутами, у которых, по словам Вениаминова: „всякое селение состояло непременно из родственников и составляло почти одно семейство, где старший в роде назывался тоэном и имел власть над всеми“⁴. С этим согласуются показания Дженса, писавшего, что у Купер—эскимосов, „обитатели одного селения почти все связаны между собой родством или браком“⁵.

Матернитет в социальном строе эскимосов выражается следовательно в том, что 1) муж переходит в дом жены, 2) дети после смерти отца остаются с матерью, 3) родство по материнской линии считается наиболее важным. Эти черты позволяют предположить, что родовое устройство эскимосов не достигло очень высокой ступени развития, прежде чем начало разлагаться под влияние европейцев, а может быть даже до столкновения с европейцами в силу специфических условий эскимосского быта. Во всяком случае у эскимосов еще сохранился групповой брак, выражающийся в сочетании многомужества с многоженством, гостеприимном гетеризме и обычае обмена жен⁶. Об экзогамии ничего не известно. Брак не практикуется только между

¹ Nelson. The Eskimo about Bering Strait. 18 Annual Reports Bureau American Ethnology, 1889, pp. 322.

² Nelson, pp. 324—325.

³ Nelson, pp. 324.

⁴ Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отделения, II, стр. 166.

⁵ Jeness. The Life of the Cooper Eskimos. Rep. Canad. Arctic Expedition. 1922, p. 116.

⁶ См. Hawkes. The Labrador Eskimo, p. 116; Bancroft. Native Races of Pacific Coast, v. I, p. 82. Murdoch. The Eskimo of Barrow Point, p. 413; 9 Ann. Rep. Bureau Am. Ethnol.

ближайшими родственниками кузинами и кузенами, племянниками — племянницами и дядьками — тетками¹. У Купер эскимосов обычай обмена женами ведет к любопытной форме расширения семьи: дети двух обменивающихся женами семейств рассматриваются как родственники и брак между ними запрещен². Возможно, что это отголосок родовой экзогамии.

Во всяком случае родовой строй и тотемизм бесспорно существовал у западных эскимосов: вопрос может касаться только степени его сохранности. Можно полагать, что эти учреждения имели место и у сибирских эскимосов, тем более, что Нельсон, „на восточном мысе Сибири видел многочисленные наконечники стрел и копий из кости с вырезными знаками ворона, такими же как татуируется на лицах мальчиков залива Польвер“³.

Переходим к корякам. В литературе нет никаких указаний на родовой строй, но следы тотемизма выступают довольно отчетливо из показаний Йохельсона: Согласно коряцким идеям, — пишет он, — киты, как и все другие животные образуют племя или скорее семью (не сказать ли род? — А. З.) связанных индивидов, живущих в деревне как коряки. Они мстят за убийство своего члена и смягчаются когда что либо получают. Также как и камчадалы, коряки исполняют праздник кита на котором женщина, родственница того, кто считается добытчиком, кормит кита сладкой травой. Торжество устраивается подобно медвежьему празднику гиляков и тунгусов при каждой поимке кита или белого кита (white whale). Наряду с этими празднуется и праздник медведя: когда голову убитого медведя приносят в дом, женщины выходят навстречу с факелами. Шкура снимается вместе с головой. Одна из женщин наряжается в нее и танцует, уговаривая медведя не сердиться, но быть милостивым к ним. В то же самое время на особую дощечку кладутся куски мяса, и медведю говорят: „ешь, приятель“⁴. Та же церемония прodelывается с волком, с той только разницей, что в шкуру волка наряжается мужчина, танцующий в этом облачении вокруг очага, чем подчеркивается родовой характер культа. По поводу этого обряда Йохельсон замечает: „Я не нашел прямых следов существования тотемизма

¹ Boas. The Central Eskimo, p. 573.

² Jeness, p. 85.

³ Nelson, p. 324—25.

⁴ Jochelson. The Koryak. Jesup North Pacific Expedition, p. 88.

у коряков, но одевание в шкуру медведя и волка во время этих праздников может быть сравнено с тотемическими чертами некоторых праздников, во время которых члены семьи (?) или рода изображают тотем одеваясь в его шкуру“¹.

На самом деле „коряки рассматривают волка как хозяина оленей и господина тундры“². В сказках его называют не собственным именем, но говорят—тот, „кто держится в стороне“³. В сказках же рассказывается о браках животных с людьми. Так камчадалский Ворон имел связь с различными видами одушевленных предметов: дочь коряцкого великого ворона Ине-а-не-ут выходила замуж за лягушку, за облако, за палку, за дерево, за птицу, за рыбу, и за различных животных⁴. Вообще, по воззрениям коряков „каждый предмет может превратиться в человеческое существо, сбросив свою внешнюю скорлупу. Мифы коряков и индейцев с.-з. берега полны такими эпизодами. Медведь, волк, лисица, горноста́й, мышь, ворона, и другие животные описываются сбрасывающими свою шкуру и превращающимися в людей. Таким же образом лягушки превращаются в лягушек, а облака в людей-облака. Сбросив свою форму, каменный топор превращается в людей каменного топора, идущих рыбачить. Рыбы также принимают форму человеческих существ, а люди обладают способностью превращений. Одевая шкуру животного или принимая форму объекта, они могут совершать превращения. Великий ворон и Эмемкут (мифологический герой—А., З.) превращается в ворона, одевая вороний костюм. Кил-внук Великого ворона превращается в медведя, надев медвежью шкуру. Эмемкут дает собачью шкуру своей сестре и она превращается в собаку“⁵. Все это настолько чистая тотемическая идеология, что Йохельсон был бы кругом прав, если-бы решился признать следы тотемизма несомненными.

В настоящее время, благодаря исследованию К. Бауэрмана, мы можем утверждать это с полной достоверностью. К. Бауэрман провел три года среди паренских коряков. Его исследования, к сожалению, еще не опублико-

---

¹ Jochelson, p. 80.

² Jochelson, p. 90.

³ Jochelson, p. 89.

⁴ Jochelson, p. 116.

⁵ Jochelson, p. 115—116.

9) Паук (считается „бабушкой“).

10) Гусеница.

11) Селедка.

При всей своей лапидарности, эти сведения настолько ясны, что вопрос о существовании у пареньских коряков тотемизма и патрилинеального рода может считаться разрешенным в положительном смысле.

Не приходится сомневаться также в существовании этих институтов у прочих групп коряков по крайней мере в недалеком прошлом.

Несмотря на то, что чукчи в других отношениях изучены лучше коряков, сведения о тотемизме и родовом строе у них еще скуднее. Богораз начисто отрицает существование как того так и другого, но если у него нельзя найти никаких указаний в отношении рода, то кой-какие признаки тотемизма проглядывают и в его сообщениях.

По мнению чукчей все виды животных обитают в особых районах, где они ведут свои хозяйства и такой же образ жизни как и люди. Орлы, например, имеют даже рабов¹. Животные легко меняют свою форму и превращаются в людей. Так, горноста́й и сова превращаются в воинов в полном вооружении². „В большинстве случаев,— пишет Богораз,—животные, олицетворяющие человеческое существо, сохраняют свое прежнее качество, что делает их существами действующими по образу человека, но все таки отличными от человеческого рода. Например, кит, укравший молодую женщину, продолжает быть китом и даже делает ей долото из придатков (*darnaces*) своей кожи. Полярный медведь имеет священный нож и разрезает им тюленя при помощи своей лапы. Женщина-лиса сохраняет свою хитрость, а женщина-гусь свое отвращение к животной пище, могущей испачкать ее белое одеяние“³.

Превращение животных в людей, людей в животных, антропоморфизация животного мира налицо. Кроме того у чукчей убиение быка, дикого оленя, тюленя и моржа сопровождается церемонией, которая практикуется в отношении двух последних животных также у азиатских эскимосов и коряков. По мнению Богораза эти церемонии совершаются для того, чтобы обеспечить успех дальнейшей охоты на этих животных, т. е. могут быть поставлены, если не по

¹ Bogoras W. The Chukchee. Jesup North Pacific Expedition, p. 283.

² Bogoras W., p. 283.

³ Bogoras W., p. 284.

внешнему оформлению, то по целевой установке в один ряд с интихиумами¹. Следует отметить, что церемония оленя связана с очагом². Подобные же обряды исполнялись после убиения бурого медведя, лося, песца, волка. Во время церемонии волка и медведя со зверя снимают шкуру и одеваются в нее таким образом, чтобы голова зверя покрывала голову человека. Хозяин дома, наряженный зверем, исполняя церемонию, поет, танцует, бьет в бубен³. Такими же обрядами сопровождаются у сидячих чукчей убиение моржа и тюленя. Сидячие чукчи исполняют также церемонии кита и медведя сходные с подобными же обрядами коряков и камчадалов⁴.

Следующий пример, заимствованный из С. Америки, вскрывает тотемистическую основу описанных обрядов. Манданы, одетые в шкуры бизонов с головами и рогами, исполняли пляску бизона, имитируя движения этого животного. Ежегодно весной исполнялась церемония, имевшая целью повлиять на размножение бизонов. Она состояла в драматическом представлении совокупления исполняемого двумя людьми одетыми в бизоньи шкуры⁵. Эта типичная интихиума не имела по мнению Фрезера тотемистического характера, так как отсутствуют указания на то, что „эти танцы исполнялись людьми, имевшими своим тотемом бизона“⁶. Однако у родственного манданам племени канзас сходные по содержанию церемонии исполнялись членами определенных кланов, т. е. носили чисто тотемический характер⁷. У индейцев фокс танец головы бизона исполнялся также только членами клана грома⁸. Можно полагать, что такой же порядок существовал у манданов в прошлом, и только впоследствии, в результате всеподавляющего экономического значения бизона, интихиума перестала быть уделом одного клана, приобретя племенной характер. Коротче говоря тут имел место тот же процесс селекции тотемов, который мы наблюдали у народов лесной полосы

---

¹ Bogoras W, p. 379.

² Bogoras W, p. 380.

³ Bogoras W, p. 381.

⁴ Bogoras W, p. 406—409.

⁵ Frazer. Totemism and Exogamy, vol III, p.p. 138—139.

⁶ Frazer, I. c. p. 145, III.

⁷ Frazer, I. c. p. 127, III.

⁸ Michelson, Notes on the Buffalo-Head Dance of the Thunder Gens of the Fox Indians, 87. Bulletin. Bureau of Am. Ethnology, Michelson. Contribution to the Fox Ethnology, 85. Bulletin.

Сибири в отношении медведя, у чукчей-коряков-ителменов, — кита.

Все это позволяет утверждать, что мы имеем дело с пережитками тотемических церемоний волка, медведя, кита и прочих животных и высказать твердую уверенность, что дальнейшие исследования чукчей дадут нам не только новые материалы по чукотскому тотемизму, но и установят у них наличие родового строя.

Исходя из сказанного мы отвергаем мнение Богораза, полагающего что „в Сибири существует более ранняя стадия (чем тотемическая—А. З.): зверь покровитель и предок относится не к роду, а к целому племени“¹.

Действительное развитие идет не от покровителя племени к отдельному родовому тотему, а как раз в обратном порядке: по мере того, как формируется племя, по мере того выделяется из числа рядовых тотемов—один, „наиболее сильный“, превращающийся в покровителя племени и, в конце концов, вытесняющий все остальные тотемы. У народов тайги в большинстве случаев таким покровителем стал медведь, у народов полярных побережий—кит.

Вышеизложенные факты не позволяют сомневаться в широком распространении тотемизма у народов Сибири. Совершенно бесспорные его следы установлены нами на основании показаний различных исследователей у:

- 1) гиляков, где мы нашли наряду с медвежьим праздником культ касатки, нерпы, тигра, орла, сказание о происхождении отдельных родов от животных, запрет убивать тотемическое животное в сонном виде и сказание о половых сожителствах людей с животными;
- 2) айнов—культ медведя, виверовой собаки, касатки, тюленя, орла; сказание о происхождении человека от орла, лебедя, медведя, ряда других животных;
- 3) орочей—вера в происхождение некоторых родов от объектов природы и животных, медвежий праздник, культ касатки и тигра, сказание о половых сношениях людей с животными;
- 4) негидальцев—веру в происхождение отдельных родов от животных видов, секционную систему;
- 5) ульчей—тотемический культ нерпы одним из родов;
- 6) ороков—культ нерпы, касатки и медведя;

---

¹ Тан-Богораз. Культ воскресающего зверя и культ Христа. „Воинствующий атеист“, № 4, 1931.

7) гольдов—культ тигра и медведя. Связь тигров с родом актенка;

8) у тунгусов—тотемическое происхождение отдельных родов, родовые тотемы, табу на убийство тотемического животного, медвежий праздник, зооморфных духов предков;

9) юкагиров—тотемические названия родов и веру в их происхождение от животных;

10) самоедов-юраков—деление на экзогамные секции с тотемическими названиями, тотемические названия родов: табу на убийство и поедание тотемного животного, которое считается родственником, почитание медведя;

11) остяко-самоедов—деление на экзогамные тотемические секции запрет убивать тотемическое животное, рассматриваемого как брата;

12) енисейцев—деление на экзогамные секции: запрещение убивать орла;

13) угорских остяков—родовые божества в зооморфных формах, почитание мамонта, гуся, лебедя, ворона, щуки, јиг, змеи, происхождение родов от животных. Тотемическое животное-покровитель. Извинение в случае убийства тотема. Тотемические тамги;

14) якутов—тотемические названия родов; табу на убийство тотема; тотемические тамги;

15) телеутов—вера в происхождение родов от животных;

16) карагасов—вера в происхождение родов от животных, табу на убийство и поедание тотема;

17) киргизов—вера в происхождение родов от животных; тотемические названия родов;

18) у древних тюрков тотемические названия родов; веру в происхождение родов от тотемических животных; табу на убийство и поедание тотема; деление на две секции. У современных туркмен—тотемические названия родов;

19) бурят—сказание о происхождении двух родов от лебедя и табу на его убийство для этих родов. Почитание быка и змеи;

20) у коряков, чукчей, камчадалов,—праздники кита, тюленя, моржа, медведя, волка, носящие явные черты интихиум. У эскимосов и коряков—тотемические названия родов; у коряков—табу на тотемическое животное.

Таким образом тотемизм, иногда в форме пережитков, иногда как реально-бытующее верование установлен нами

у всех народностей Сибири — тунгусо-манджуров, тюрков, угрофинов, монголов, палео-азиатов.

Общее состояние тотемических верований в Сибири таково, что строить на их основе какую либо теорию происхождения тотемизма невозможно. Для этого имеющиеся в литературе указания черезчур фрагментарны, что объясняется не только неудовлетворительным состоянием сибирской этнографии, но и рядом объективных причин. Как мы указали в начале работы, тотемизм есть идеология ранне родового строя. Можно даже сказать, что в подавляющем большинстве случаев это идеология *материнского* рода. На связь тотемизма с материнским родом в свое время справедливо указал еще Колер (*Zur Urgeschichte der Ehe Zeitschrift f. vergl Rechtswissenschaft*, XII, 1895).

Не приходится сомневаться в существовании материнского права у народов Сибири еще в недалеком прошлом. Материнские роды сохранились вплоть до прихода русских у тунгусов, якутов, камчадалов, эскимосов (см. выше). И как раз у тунгусов и якутов мы нашли наиболее сохранившийся тотемизм. Несомненные следы материнского права Иохельсон открыл у юкагиров¹. Следы его сохранились и у гиляков ко времени Мамио Ринсо, отметившего необычайно высокое правовое положение гиляцкой женщины². Штернберг обнаружил его пережитки в классификаторской системе гиляков³. Наконец, пережитком его является представление о хозяйке огня — женщине⁴. Штернбергом также отмечено, что у большинства сибирских шаманов „дух — избранник“ имеет женский облик⁵. Сам Штернберг объясняет этот факт „сексуальным избранничеством“, но мне кажется более вероятной другая трактовка вопроса, лучше согласующаяся с фактами: шаманство возникло впервые именно как женское шаманство в условиях материнского рода. Естественно, что дух имел шаманский образ. При переходе к патерниту шаманом стал мужчина, в то время, как дух избранник, в силу консервативности идеологии, со-

¹ Иохельсон. По реке Ясачной и Коркодону. СПб., 1898, стр. 5, Анализ его сообщений у Максимова. К вопросу об истории семьи у русских инородцев. М. 1902.

² Шренк. Об инородцах Амурского края, т. III, стр. 13.

³ Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, стр. 53.

⁴ А. Золотарев. Пережитки родового строя у гиляков Чомэ. Сов. Север, № 2; 1933.

⁵ Штернберг. Избранничество в религии. Этнография № 1, 1927.

хранил старую форму. Всеобщность перехода от материнского рода к отцовскому наилучшим образом объясняет всеобщность подмеченной Штернбергом разнополости шамана и его духа избранника. А если это верно, то следы материнского права мы находим у гольдов, бурят и ряда алтайских народов. Впрочем, на пережитки материнского права в свадебном обряде гольдов указал уже Широкогоров¹. Пережитком его у остяков является обычай, согласно которому „остяк никогда не решится выбраться или сделать друг другу какую либо непристойность в присутствии брата своей жены“² (пережиток аванкулата). У юраков, несмотря на патрилокальную резиденцию первая брачная ночь проводится в чуме невесты³. У берегового рода юраков говорится о междуусобных войнах, при чем в числе „богатырей“ фигурируют и женщины⁴. На существование материнского рода у тунгусов мы указали выше (см. стр. 26).

Все эти факты убеждают нас во всеобщности материнского рода в Сибири. У некоторых племен он дожил до столкновения с казацкой вольницей, у других, под влиянием эзотерических причин, превратился в отцовский род.

Вместе с разложением материнского рода начался процесс разложения тотемизма, сохраняющегося в условиях отцовского рода, по большей части, пережиточно. Сказанное позволяет утверждать, что тотемизм вырос из материнского рода и также всеобщ как этот последний.

---

¹ S. M. Shirokogoroff. — Northern Tungus migrations in the Far East, Journal, of the North China Branch of the, Royal Asiatic Society, vol LVII, 1926.

² Третьяков, П. Туруханский край, стр. 177.

³ Третьяков, П. Туруханский край, стр. 188.

⁴ Рычков. Береговой род юраков. Зап. Сиб. Отд. РГО, 1916, с. 38.

Отв. редактор: Я. П. Алькор (Кошкин).

Тех. редактор: М. Г. Рохман

Сдано в набор 4 октября 1933.

Подписано к печати 4 декабря 1933 г.

Количество знаков—137280

Станд. формат бумаги 41×58. Тираж—3000.

1933 г. Леноблит № 21742

Тип. Нов. Район. Изд. „Звезда“. Заказ № 1042.

950,1

4 72 142006
Библиотека Югры

Цена 80 к.